Михаил Гумба

ГАСАНБЕЙ

Сухум 2012

Михаил Гумба

ГАСАНБЕЙ

(о политическом противостоянии за владение Абхазией между потомками Келешбея)

Сухум - 2012

ББК 63.5 (5 Абх) 4
Г – 81

Научный редактор: доктор исторических наук,
профессор академик АН РА
Куправа А.Э.
Рецензент: кандидат исторических наук,
Доцент АГУ **Дбар С.А.**

Михаил Гумба Гасанбей. – Сухум. 2012. – 68 С.

В представленной работе аспиранта Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН РА - **Михаила Гумба,** впервые предпринята попытка на основе имеющихся разрозненных опубликованных материалов, а также с привлечением новых архивных документов, осветить деятельность одного из ярких личностей начала XIX века, сына владетеля Абхазии Келешбея – князя Гасанбея (Хасанбея), пользовавшегося большим влиянием в народе, который при благополучном стечении обстоятельств мог бы стать владетелем Абхазии.

Работа рассчитана на историков и широкий круг читателей, интересующих проблемы Абхазии начала XIX века.

Основные положения работы были апробированы в АБИГИ им. Д.И. Гулиа АН РА, на научно-практической конференции молодых ученых в июне 2011 года.

@ Гумба М. 2012

«Я видел в нем плотного человека, небольшого роста, одетого в богатую черкеску, с высокою турецкою чалмою на голове, вооруженного двумя длинными пистолетами в серебряной оправе; один держал в руке готовый для выстрела. Кто только знавал Гасанбея, не Помнит его без этих пистолетов, спасавших его два раза от смерти, и из которых он стрелял почти без промаха...».

Барон Ф.Ф. Торнау

Изучая историографию Абхазии XIX столетия, можно обнаружить большое количество научных исследований связанных с этим периодом[1]. Однако работ, посвященных всестороннему изучению и анализу исторической личности, становлению характера, отношения к изменениям, происходящим вокруг них событий, известно мало.

Задачей настоящего исследования является – показать многогранность характера одной из ярких личностей начала XIX века, сына владетеля Абхазии Келешбея князя Гасанбея (Хасанбея), отношение его с окружающими людьми и событиями, личные связи с владетельными князьями Абхазии – Сефербеем и Михаилом.

[1] Салакая С.Ш. Проблемы истории Абхазии XIX – начала XX веков в абхазской советской науке. Автореф. диссертации на соиск. уч. ст. канд. ист.н. – Сухум . 2009. с. 3.

Работа основана на сравнительном анализе архивных материалов и научных публикаций, обобщении разрозненного материала посвященного князю Гасанбею.

Князь Гасанбей Чачба-Шервашидзе – один из сыновей знаменитого владетельного князя Абхазии Келешбея и дочери цебельдинского князя Маршан – Рабии ханум, по характеру своему не был похож ни на одного из своих братьев. В народе говорили, что характером он пошел по линии матери в Маршаниевцев. Даже будучи совсем ребенком, он отличался от остальных детей необыкновенной смелостью и бесстрашием. Его стремительность и способность внезапно нападать на обидчика сравнивали с рысью.

С детских лет возникла и укрепилась дружба между двумя сводными братьями – Асланбеем и Гасанбеем. Все свободное время они в играх проводили вместе. Только их матери не находили между собой единства, так как каждая из них мечтала видеть владетельным князем своего сына. Лишь общая вражда их против князя Сефербея – сына Келешбея по матери Лейба, который был мегрельским зятем и претендовал на место владетеля – объединила их[2].

После того, как владетельным князем Абхазии стал князь Сефербей, Гасанбей, определенное время, поддерживал с ним деловые отношения, помогая ему в управлении страной, хотя, как известно, изначально он был на стороне князя Асланбея.

Говоря об окружении князя Сефербея, здесь необходимо вспомнить отчет представленный кап.-л. Додтом, в котором сообщалось, что когда они вошли в город их приветствовала толпа жителей среди которых была и Рабия-ханум

[2] Гуажба Р.Х. Сафарбей.// Республика Абхазия. 1999. 10-13 июня; Амаршан В.Д. Царь величавых гор. – Сухум. 2007. с. 51-57.

со своими сыновьями Гасанбеем (Хасанбеем) и Баталбеем. Появление Рабии-ханум можно объяснить следующим, как известно, незадолго до взятия крепости Сухум-Кале, ей уже было начислено Высочайшее жалование, которое еще до принятия присяги князем Сефербеем было разрешено частично получать. При начислении «*пенсиона*», министерство финансов, как свидетельствуют документы, исходило из того, что Рабия-ханум «*будучи дочь первого влиятельного цебельдинского князя*», что для того периода было немаловажно. Следовательно, она могла быть привлечена как посредник, во взаимоотношениях между «*непокорными цебельдинцами*» и российским военным командованием, и даже оказывать определенное влияние. В источнике отмечено, что Рабия-ханум: «*имеет большое влияние на сей (цебельдинский – М.Г.) народ...по связям родства много уважают ея требования, да и Абхазский народ много её почитает*»[3]. В указанном документе, упоминается и о том, что двое сыновей Рабии-ханум поддерживают Сефербея, это – Гасанбей и Баталбей.

Таким образом, все вышеприведенные сведения, позволяют свидетельствовать, что князь Сефербей на начальном этапе своего «правления», опирался на своих сводных братьев. В частности речь идет о князе Хасанбее (Гасанбей), который, как и его мать пользовался большим уважением и популярностью в народе. Связь с Гасанбеем, была неободима в первую очередь князю Сефербею[4].

[3] АКАК. Т.- 4, с. 415.

[4] Здесь необходимо обратить внимание на тот факт, что при первой, не удачной для кн. Сефербея попытке овладеть Сухумской крепостью (1808г.) он, добился освобождения Рабии-ханум, при этом ему пришлось дать огромное число аманатов. Очевидно, это было неспроста, уже тогда было понятно, что Рабия-ханум и её дети, пользующиеся

Князь Гасанбей поддерживал с Сефербеем деловые отношения, помогая ему в управлении страной. Генуэзский коммерсант, чиновник министерства иностранных дел России Р. де Скасси в своей докладной записке «О Сухуме и возможностях торговли с Абхазией» писал, что для решения разных вопросов среди абхазов: «*надо иметь дело только с двумя князьями Сафир-беем и Хасан-беем, которые пользуются у них большим влиянием*»[5].

На народных собраниях, где собирались абхазы, богатые дворяне, главы знатных семей «*владетельный князь Сефер-бей появлялся в сопровождении своего брата Хасанбея и многочисленной свиты*»[6].

Известно, что сын Сефербея Константин (Коситбей), согласно обычаям, первые годы своей жизни воспитывался у своего дяди Гасанбея. Что произошло как раз в 1811 году. Как отмечает выдающийся ученый кавказовед, профессор Г.А. Дзидзария, это было связано, с тем что: «*владетель Абхазии Сафербей, желая укрепить союз со своим братом Хасанбеем, отдал ему на воспитание (аталычество) своего сына*...»[7].

Об их взаимоотношениях свидетельствует также Поль Гибаль, которому, довелось быть очевидцем торжественного события, когда юный, уже 7-ми летний Коситбей возвращался в отцовский дом, его сопровождала большая вооруженная свита и несколько женщин, Гибаль писал: «*Обе стороны должны были обменяться дорогими подарками, и в течение 20 дней должны были происходить празднества и пиры*...»[8].

Связь с князем Сефербеем была выгодна в определенной степени и князю Гасанбею. Являясь богатейшим удельным (наследственным) князем Абхазии, о предприимчивости и решительности которого говорили все, пользовался большими связями с соседними горскими народами, был племянником «*непокорных цебельдинцев*», в связи с чем, и российское военное командование, безусловно, считалось с ним как с братом владетеля Абхазии и на многие его «торгово-контрабандные мероприятия» закрывало глаза. Пользуясь постоянным отсутствием владетеля в Абхазии, Гасанбей, зачастую принимал управление страной в свои руки. Очень примечательно в этом случае, сообщение Поля Гибаля, описывая увиденное своими глазами, отмечал, что когда проходило народное собрание влиятельных абхазских князей и дворян, где появлялся князь Сефербей в сопровождении брата своего Гасанбея, то именно князь Гасанбей направлялся к большой липе и располагался под деревом, куда: «*некоторые старейшины по очереди подходили к нему, оставляя при этом свиту сзади и обратившись к нему в очень почтительной форме, ... Каждый из них, поговорив с князем, немедленно возвращался и вскоре его уже окружали другие дворяне, подходившие в свою очередь, чтобы поговорить с князем*...»[9]. Этот факт лишний раз доказывает, что абхазские князья и дворяне отдавали предпочтение и считались с мнением князя Гасанбея.

сильным влиянием могли быть весьма полезны кн. Сефербею для дальнейшего утверждения своей власти.

[5] АКАК. Т.- 6, с. 646-664.

[6] Материалы по истории Абхазии. 1803-1839. сост Г.А. Дзидзария.Т.-1. – Сух. с. 138.

[7] Дзидзария Г.А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. – Сухум, 1979, с. 28.

[8] Материалы по истории Абхазии. Т.-1… с. 134.

[9] Материалы по истории Абхазии. Т.-1. с. 138-139.

Мы можем с определенностью говорить, что все это время князь Гасанбей вынашивал свою сокровенную мечту, вытеснить брата и стать владетелем Абхазии. В отличие от Сефербея он мог говорить с народом, его природный ум снискал авторитет и уважение в среде влиятельных князей и дворян, и он мог с легкостью взволновать массы.

Рассмотрим случай, где характер князя Гасанбея, его гордость и самолюбие привели к разрыву отношений с князем Сефербеем, проявившего слабость и беспринципность по отношению к нему.

Интересующий нас случай произошел в 1817 году, когда владетельный князь Сефербей в очередной раз выехал из Абхазии к своим родственникам в Мегрелию, а управление страной временно поручил своему брату князю Гасанбею.

Князь Гасанбей, проплывая на своем судне к крепости Сухум-кале, комендантом которого был майор Щелкачев, встречен был пушечным выстрелом, ядро которого пролетело в опасной близости от него и чуть не убило. Удивленный таким странным приемом коменданта, князь Гасанбей поспешил пристать к берегу, чтобы узнать причину случившегося и направил в крепость посыльного. Не успел посыльный вернуться на судно, как из крепости был произведен еще один пушечный выстрел, заставивший князя остаться на судне.

Вернувшемуся из поездки, владетельному князю Сефербею было доложено о случившемся происшествии. Проведя свое расследование, князь Сефербей установил, что поступками коменданта крепости майора Щелкачева руководили месть и злоба против его брата князя Гасанбея. Причиной злобы коменданта Щелкачева было то, что сбежавший от него крестьянин, имеретинец по происхождению, был укрыт в доме князя Гасанбея, в Келасурах. Когда об этом узнал майор Щелкачев и потребовал беглого крестьянина вернуть, князь Гасанбей отказал, сославшись на обычай абхазцев - не выдавать беглецов.

Затаивший злобу майор Щелкачев решил отомстить обидчику при первой возможности. Поэтому когда князь Гасанбей хотел войти в крепость, чтобы принять управление страной, то был именно таким образом встречен майором Щелкачевым, комендантом крепости Сухум-кале.

О случившемся владетельный князь Сефербей известил генерала А.П. Ермолова с просьбой арестовать майора Щелкачева и наказать его, чтобы никакое своеволие при несении службы в крепости не имело место. Об этом свидетельствует предписание генерала А.П. Ермолова генералу Курнатовскому: «*По сему случаю, Абхазский владелец просит, чтобы дело сие исследовать по всей истине и воздержать майора Щелкачева от своевольств, которые он делает. Если майор Щелкачев не представит достаточных оправданий, и вы удостоверитесь в точности вины его, тогда немедленно арестовать его, предать суду при 15-м Егерском полку и мне о следствии донести*»[10].

Однако, несмотря на то, что владетельный князь Абхазии просил воздержать коменданта крепости майора Щелкачева от грубого своевольства, создающего опасность для жизни его брата, следствие, проведенное майором Ивлевым, стало на защиту не князя Гасанбея, а коменданта крепости, о чем свидетельствует найденный в материалах АКАК рапорт генерала Курнатовского генералу А.П. Ермолову от 17 декабря 1817 года: «*Белевского пехотного полка майор*

[10] АКАК. Т.- 6. ч.-1. с. 643.

Ивлев, на которого генералом Печерским возложено было произвести исследование по случаю жалобы Абхазского владетельного князя Георгия Шервашидзе на Сухумского коменданта майора Щелкачева в неприличных якобы поступках с его братом означенного владельца Хасан-беем, по предмету чего имел я честь доносить от 4 ноября, доставил ныне ко мне при рапорте отобранные им показания от всех бывших при том офицеров,- о чем, донося, присовокуплю мое насчет обстоятельств сего дела мнение, что ***нельзя счесть Майора Щелкачева виновным в сделанных из одной предосторожности пушечных выстрелах мимо прошедших близ крепости Абхазских галер и лодки;*** *следственно ни по какой другой причине Абхазский владетель вздумал жаловаться, будто бы майор Щелкачев хотел убить его брата как по злобе на него, надеясь тем доставить ему от начальства неприятность или избавиться от него из Сухума.*

Легко статься может, что причина такой злобы есть та, что Щелкачев всемерно старается о выручке из Абхазии беглых солдат и вообще Российско-подданных, что видно для владельца неприятно, ***а насчет его Щелкачева должно относиться к похвале и чести.*** *Что касается бежавшего от майора Щелкачева крестьянина из Имеретинцев, который и доселе находится у Хасан-бея и в Редут-кале не отправлен, как о том пишет к полковнику Вельяминову...генерал Печерский по рапортам майора Щелкачева писал как владельцу, так и самому Хасан-бею, чтобы он (имеретинец) непременно был выдан его господину; но они считая такового беглеца своим гостем, того не исполняют....»*[11].

Как следует из рапорта к генералу А.П. Ермолову, майор Ивлев, проводивший следствие, в одном деле смешал совершенно разные события: и поступок коменданта крепости майора Щелкачева чуть не стоивший жизни брата владельца князя Гасанбея, и события о беглых солдатах и вообще о российско-подданных, чтобы представить майора Щелкачева в лучшем виде, не считаясь с требованием владетеля.

[11] АКАК. Т.- 6. ч.-1. с. 644.

Такое отношение к просьбе владетельного князя Абхазии со стороны военной администрации свидетельствует о недостаточном к нему уважении. Однако и владетельный князь Сефербей не показал твердый характер, не обратился дальше по инстанциям, не довел дело до самого Государя-Императора, что доказывает слабость его характера, безынициативность.

Видя, как беспомощен князь Сефербей перед произволом царской военной администрации, отсутствие способности вызвать справедливое к себе отношение приводят к осмысленному переходу князя Гасанбея на сторону опальных феодалов и более того создать свою партию. Как известно к тому времени и мать его Рабия-ханум была лишена «*пенсиона*» за поддержку князя Асланбея. Князь Гасанбей, лишь делал видимость, что поддерживает брата-владетеля.

Нежелание князя Сефербея принимать близко к сердцу трудности положения своего народа, неумение достойно устраивать его быт и нести ответственность за происходящее социальное напряжение, усиливало волнение в народе, вызывало беспокойство. Если раньше неповиновение владетельному князю носило локальное явление в лице отдельных князей вольных общин, то неуверенность в будущем и в судьбе страны вызывала озлобленность и неповиновение в большей части народа, имеющая нарастающий глобальный характер. Из документов следует, что «*...не бо-*

лее как в 20-ти верстах от крепости приверженные Арслан-бею абхазы грабят скот и похищают лошадей»[12].

Обеспокоенный таким положением к нему, владетельный князь пишет очередное послание с просьбой о помощи к генералу Курнатовскому от 25 апреля 1818 года: «*Желание мое есть то, чтобы владение мое, ровно жители онаго, по Высочайшей воле мне вверенные, пребывали в повиновении к правительству, поступки сих сходствовали с таковыми же послушных подданных Российского Престола и существовало между ними спокойствие, также истребились бы прежние их ни с чем несообразные обычаи. Но они, не соответствуя сему благому намерению моему и не принимая никаких наставлений, поступают противу сего порядка, производя пленнопродавство, смертоубийство и грабительство в деревнях и во всем сопротивляются правительству. Видя таковые обстоятельства и заметив их упрямство ... с просьбой* ***дать мне войско, дабы силою оружия унять их от противных правительству поступков...»***[13].

Тогда же генерал Курнатовский докладывал генералу Сталю от 9 мая 1819 года: «*Князь Георгий Шервашидзе, извещая меня о явном ему неповиновении своего народа, просил Мингрельского и Имеретинского войска для приведения онаго в послушание...Обстоятельства сие предавая рассмотрению и решению вашего превосходительства долгом ставлю присовокупить по местным моим сведениях,* ***что Абхазский владетель на самом деле еще слабее в управлении своим народом, нежели как сам о себе пишет, так что не смеет почти показаться народу, не хотящему ему повиноваться.*** *Главнейшая причина такого неповиновения есть*

[12] АКАК. Т.- 4. с. 339.
[13] АКАК. Т.- 6. ч.-1. с. 644.

та, что настоящий владетель утвержден в сем звании без дальнейшего исследования о преданности к нему ***Абхазцев, народа горского, вольного и воинственного*** *и с коим управиться трудно и тому, в ком нашлось бы более твердости и благоразумия. К сей причине, по всей вероятности, можно присовокупить и ту, что* ***Абхазцы более привержены к меньшему по отцу брату владельца - Хасанбею, твердому, предприимчивому и храброму****, как все слухи удостоверяют, человеку, который, неповинуясь сам своему брату, подстрекает, может быть тайными пружинами к тому и народ.*

Как же настоящий владелец в звании своем Высочайше утвержден и имеет неотъемлемое право на наше покровительство и защиту, то и полагаю я необходимо нужным удовлетворить его требования насчет дачи войска из Мингрельцев и Имеретинцев, для водворения тишины»[14].

Просьба владетельного князя Сефербея была удовлетворена с помощью высланного полка мегрельского владетеля князя Дадиани. Удалось усмирить многих опальных князей, и в том числе Гасанбея.

Однако этим действием Сефербею все же не удалось призвать к покорности население подведомственных ему округов и унять феодальную вражду. Они просто делали вид, что подчинились, но на деле это было не так. Внутриусобная вражда и неповиновение имели место на протяжении всего правления князя Сефербея.

Абхазские князья стремились к независимому управлению своим округом. Царила анархия. Как известно, в результате хитрых политических маневров Леван Дадиани получил право вмешиваться в дела Самурзакана. Цебель-

[14] АКАК. Т.- 6. ч.-1. с. 644.

динские князя также не признавали его власти. Стремление Сефербея прибегнуть к помощи своей мачехи Рабии-ханум, матери Гасанбея (дочери цебельдинского князя), склонить на свою сторону цебельдинцев; пообещав ей льготы от Его Императорского Величества, не увенчались успехом[15]. Лишь Бзыбская Абхазия подчинялась владетелю.

Таким образом, политика владетельного князя Сефербея, опирающаяся на грубую силу и царское оружие против своего народа и князей, закончилась неудачей.

После смерти князя Сефербея 7 февраля 1821 года, усиливается народное волнение и беспокойство, переросшее впоследствии в освободительное движение от российской экспансии на Абхазию.

На политической арене Абхазии появляется другой сын знаменитого владетеля Келешбея – **Гасанбей Чачба.** О котором Г.А. Дзидзария писал: «*...без особого труда он пришел бы к власти, если бы на его пути не стояли русские штыки*»[16].

На второй день после смерти владетеля Абхазии, князя Сефербея, т.е., 8 февраля, жители селений соседнего с Сухумской крепостью Эширы (Эшера) подвластных Гасанбею, собрались в количестве 200 человек и совершили нападение на русскую команду, посланную в лес за дровами. Выстрелы боевого столкновения были услышаны в Сухуме. Комендант Сухумской крепости майор Могилянский послал на выручку, для устрашения мятежников, роту пехоты и одним орудием во главе с поручиком Ермишковым[17]. В результате

[15] АКАК. Т.- 4. с. 405.
[16] Дзидзария Г.А. Труды. Т.- 3. – Сух. 2006. с. 36.
[17] По сообщению В.А. Потто, на выручку был послан поручик не Ермишков а,Гришков. См. Кавказская война. Т. 2. с. 383

столкновения был убит один солдат и несколько ранено. Мятежники незаметно скрылись. В работе К.Д. Мачавариани сообщается, что после того, как атака русскими была отбита «*на другой день восставшие покушались напасть на форпост у крепости. Комендант Могилянский и тут отразил нападение, но донес начальству о* ***всеобщем бунте, имевшем целью предать Абхазию в руки Хасан-бея****, причем просил о присылке ему помощи*»[18].

Комендантом Сухумской крепости, было дано указание обыскать все ближайшие села, найти и арестовать участников мятежа.

Князь Гасанбей, узнав о том, что в подвластных ему деревнях «*в коих поступали с нами (абхазами – М.Т.) неприятельский; отчего между русскими и абхазцами произошла драка и даже военная ошибка*»[19], были схвачены и арестованы многие жители, собрав небольшой отряд из верных ему цебельдинцев поспешил к коменданту крепости, чтобы освободить своих подвластных. Разговор с комендантом был короткий, князь требовал неприкосновенности к своим подвластным, и в дальнейшем просил не производить никаких действий без его уведомления, так как, лишь он, зная своих людей, мог справедливо выявить виновного и последний обещал освободить всех.

Отмечая накал враждебности в отношении российских войск в Абхазии, историк Л.И. Цвижба, пишет: «*враждебность отношений ряда абхазских феодалов к российским чи-*

[18] Мачавариани К.Д. Описательный путеводитель по городу Сухум и сухумскому округу. – Сухум. 2009. с. 245.
[19] АКАК. Т.- 7. с. 401-402.

новникам особенно проявилась в 1821 году, после смерти владетеля Абхазии Сефербея (Георгия) Шервашидзе»[20].

Для наведения порядка и усиления Сухумского гарнизона генерал А.А. Вельяминов, намеревался послать две роты и казаков но, узнав, что комендант крепости Могилянский сумел отразить нападение, отменил приказ.

Прошло еще несколько дней и восстало почти поголовно все население страны[21].

Между тем слухи о восставшем Гасанбее стали известны по всей Абхазии. Они внушали определенный страх русскому командованию, видя в нем коварного врага. Вот как о нем отзывался генерал А.П. Ермолов (еще при жизни князя Сефербея) в письме к министру иностранных дел К.В. Нессельроде от 16 июля 1820 года: «*....Хасан-бей ревностный мусульманин, человек зверского характера, злодейскими свойствами своими снискавши доверенность и сильную партию между хищническими народами которому и теперь дается помощь деньгами, Турецкое правительство воспользуется его расположением и* ***сделается владетельным князем – нашим коварнейшим врагом...***»[22].

Освободительное движение носило, как было отмечено выше, антироссийский характер, народ и многие абхазские князья желали иметь лидером – либо князя Асланбея, либо князя Гасанбея.

Создавшаяся ситуация застала врасплох царское военное командование на Кавказе, необходимы были срочные

[20] Цвижба Л.И. Этно-демографические процессы в Абхазии в XIX веке. – Сухум. 2001. с. 61.
[21] Кудрявцев К.Д. Сборник материалов по истории Абхазии. – Сухум. 2009. с. 167.
[22] АКАК. Т.- 6. с. 652-654.

меры, пока шла переписка с Петербургом о назначении нового правителя Абхазии.

Куратор по делам Абхазии генерал А.А. Вельяминов (заменявший временно выехавшего в Петербург А.П.Ермолова), по совету князя Левана Дадиани, объявил правительницей Абхазии вдову князя Сефербея – княгиню Тамару Дадиани[23].

И как справедливо замечено историком А.В. Фадеевым: «*Леван Дадиани хлопотал тут не даром – Тамара приходилась ему теткой*»[24].

Это также было связано, по мнению историка С.З. Лакоба: «*...очевидно, что царская администрация пыталась продолжить традицию управления Абхазией через посредство мегрельских владетелей, что было неприемлемо для абхазов*»[25].

Такое решение еще более усугубило народное волнение, так как вдова была нелюбима абхазам, и она в свою очередь не проявляла к ним своего расположения.

Объявленная временной правительницей вдова Сефербея Тамара, «*ничего не могла сделать ни для успокоения, ни для подавления страны и лишь просила помощи. Помощь могла прийти быстро только из Сухум-кале, но гарнизон её был слишком ничтожен для того, чтобы серьезно вмешаться в дела Абхазии.* ***В результате этого неопределенного положения Хасанбей стал владетелем почти всей Абхазии***»[26] – писал историк К. Кудрявцев.

[23] Лакоба С.З. Асланбей. – Сухум. 1999. с. 32.
[24] Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX века. – М., 1960. с.255.
[25] Лакоба С.З. Второй блин и опять комом… // Нужная. 30 ноября. 2010.
[26] Кудрявцев К.Д. Сборник материалов… с. 167.

Как известно, в связи с тем, что князь Сефербей при вступлении в подданство Российской империи получил подтверждение от русского императора о *наследственной передачи власти его сыновьям,* кавказское военное командование сделало ставку, на воспитывавшегося в Петербурге в Пажеском корпусе, старшего сына Сефербея – Дмитрия (Омарбея), отправленного еще в 1811 году в качестве залога верности России его отцом[27].

Князь Гасанбей для осуществления своей цели, устранить от власти вдову Сефербея княгиню Тамару, решает прибегнуть к помощи турок. Он был уверен, что турки ему не откажут, так как они были готовы поддержать любую борьбу против российского присутствия на Кавказе. Расчет его был правильным, турки поддержали его стремление.

Кавказское военное командование принимает срочные опережающие меры для устранения Гасанбея с политической арены[28].

Чтобы обезопасить княгиню Тамару от возможных нежелательных действий князя Гасанбея, было решено «*всеми средствами захватить Хасан-бея*»[29]. Генерал А.А. Вельяминов желая, «*оказать пособие*» княгине Тамаре и избавить её от серьезного соперника, отдает приказ арестовать и выслать его в Сибирь[30].

Так, комендантом Сухумской крепости Могилянским был получен приказ об аресте «*одного из самых опасных противников*» князя Хасанбея. Повинуясь предписанию генерала А.А.Вельяминова, и, имея личные счеты с князем,

[27] Дзидзария Г.А. Труды. Т.- 3. с. 36.
[28] Дзидзария Г.А. Труды. Т.- 3. с. 36.
[29] Кудрявцев К.Д. Сборник материалов… с. 167.
[30] Лакоба С.З. Асланбей. с. 32.

комендант пригласил Гасанбея в крепость под предлогом обсуждения абхазских дел. Ничего не подозревавший князь был неожиданно схвачен «*толпа солдат свалила его на пол, сорвала с него ружье и связала веревками*»[31]. Ожидавшее во дворе сопровождение, услышав непонятный шум, заподозрив неладное, ворвались с обнаженными шашками, но солдаты сумели их разоружить. При этом два цебельдинских князя были заколоты.

Напрасны были доводы князя Гасанбея, о его приверженности к России. Он пытался рассказать о своих заслугах перед нею. Он напоминал, что не раз помогал освобождению пленных российских солдат, захваченных горцами; и даже имел случай спасти от гибели батальон майора Огаркова следовавшего из Сухума в Редут-Кале и застигнутого метелью, сбившегося с пути и с обмороженными солдатами попавшего в окружение горцев. Именно он князь Гасанбей, спас их от неминуемой гибели, дав своих лошадей для перевозки больных, и вывел на дорогу. Но оказанные им услуги не принимались во внимание. Гасанбей был выслан в Тифлис в сопровождении поручика Бочкарева и по дальнейшему решению сослан в Сибирь, сначала в Томск, а затем в Иркутск, где находился до 1828 года[32].

Грубое вмешательство военной администрации во внутренние дела Абхазии вызвало возмущение среди местной феодальной знати.

Генерал П.Д. Горчаков предвидел, что арест князя Гасанбея вызовет всеобщее возмущение абхазов, просил гене-

[31] Потто В.А. Кавказская война. Т.2. … с. 383.
[32] Дъячков-Тарасов А.Н. Абхазия и Сухум в XIX столетии. В кн.: Абхазия и абхазы в российской периодике. Ч.- 2. – Сухум. 2008. с. 638.; Мачавариани К.Д. Описательный путеводитель… с. 245.; Дзидзария Г.А. Труды. Т.- 3. с. 36.

рала А.А. Вельяминова освободить князя Гасанбея. Но генерал А.А. Вельяминов нашел восстание абхазов меньшим бедствием, чем свобода его лидера[33].

Из отношения главнокомандующего на Кавказе А.П. Ермолова министру иностранных дел К.В. Нессельроде от 29 мая 1921 года читаем: «*Владетель Абхазии князь Георгий Шервашидзе, одержим будучи болезнью умер...Брат покойного* ***князь Гасан-бей (Хасанбей)****, никогда ему не повиновавшийся,* ***человек предприимчивый, свойств неукротимых, Порте приверженный и ею ласкаемый, имея сильную партию, мог бы теперь похитить обладание Абхазиею,*** *но давно замеченный недоброжелательным нам, схвачен генералом Вельяминовым...****нужно поскорее обратить князя Дмитрия в Абхазию,*** *ибо* ***нет сомнения, что без владетеля партия Гасан-бея (Хасанбея) произведет беспокойства****...»*[34]

Испуганная происшедшим княгиня Тамара, хорошо зная и понимая значение личности князя Гасанбея в народе, обратилась с письмом к генералу А.А.Вильяминову отпустить его «*опасаясь еще больших неприятностей в связи со взятием под стражу её деверя Хасанбея*»[35].

Анализ документов АКАК позволяет делать следующий вывод, что акция с арестом князя Гасанбея была хорошо спланированной интригой царской военной администрации, а сам князь Гасанбей вообще не принимал участия в нападении на солдат Сухумской крепости, о чем и свидетельствует письмо генерала А.А. Вельяминова к княгине Тамаре: «*...Не думайте, чтобы при защите Российских войск,*

[33] Мачавариани К.Д. Описательный путеводитель… с.246.
[34] АКАК. Т.- 6. с. 655.
[35] АКАК. Т.- 6. ч.-1. с. 655.

всегда готовых к подкреплению вашей власти, кто-либо осмелился в Абхазском владении утеснить, а еще менее опасайтесь напрасно предлагаемых вами неприятностей по случаю взятия князя Хасан-бея, напротив того, всей мере особенное благополучие о пользах ваших Российского правительства, ибо ***не полагаете чтобы Хасан-бей был арестован за беспорядок, происшедший по кончине вашего супруга и убийство нескольких солдат. Я знаю совершенно, что в сем ничтожном происшествии он нимало не участвовал и даже находился в отлучке.*** *Но неблагонамеренное поведение его ещё при жизни покойного супруга вашего, который неоднократно приносил жалобы Российскому начальству на его к нему непокорность, возмущения причиняемые в земле и* ***властолюбивые его виды были причиною задержания сего*** *беспокойного вашего родственника, коего честолюбие и опасные свойства для спокойствия Абхазского народа могли бы вовлечь оный в беспорядки и поколебать собственное ваше благосостояние... вы должны не ходатайствовать об освобождении Хасан-бея, но желать сколько можно удаления его вовсе из Абхазской земли... впрочем, об участи Хасан-бея не тревожьтесь нимало и верьте истинному моему слову, что он будет свыше его ожидания счастлив и не лишен милостей великодушнейшего из монархов....»*[36].

После того, как абхазы узнали об аресте князя Гасанбея, негодование народа ещё больше усилилось, они отказались признавать вдову Сефербея, княгиню Тамару, правительницей Абхазии. Сведения об аресте князя Гасанбея дошли и до турецкого султана и в первых числах июля генерал А.П. Ермолов получает от сераскира Турции Хаджи-Салах-

[36] АКАК. Т.- 6. ч.- 1. с. 655.

паши письмо, где тот требует от генерала освобождения князя Гасанбея – как турецкого поданного[37].

Г.А. Дзидзария по этому поводу писал: «*Этот факт говорит о том, что Турция делала ставку именно на Хасанбея*»[38] .

Военное командование на Кавказе оказалось в затруднительном положении, что видно из пространного письма генерала А.П. Ермолова к барону Г.А. Строгинову, русскому посланнику в Константинополе от 28 июня 1821 года, в котором дается обстоятельное объяснение причин, связанных с арестом Гасанбея, как главы предстоящего мятежа и участия в нем Порты Оттоманской: «*Беспокойства и возмущения, возникшие в Абхазии вслед за смертью владельца онай Сефер-Али-бея, последовавшие в начале настоящего года, обращали особенное внимание правительства. Строгое* ***рассмотрение источников мятежа открыло, что главнейшей причиною тому был Хасан-бей,*** *брат умершего владельца – почему* ***дабы утушить в самом начале угрожавшею бурю междоусобия, правительство нашлось в необходимости удалить Хасан-бея на местожительство в Сибирь,*** *предоставя впредь до Высочайшей воли управление Абхазиею жене умершего владельца княгине Тамаре.*

В первых числах настоящего месяца получил я к удивлению моему ***отношение от сераскира Порты Оттоманской Хаджи-Салах-паши Тропизондского, которым требовал освобождения и присылки к нему Хасан-бея как бы подданного Турции.*** *Какой сделал я на оное ответ, с*

[37] Дзидзария Г.А. Труды. Т.- 3. с. 37.
[38] Дзидзария Г.А. Труды. Т.- 3. с. 37.; Его же: Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми. 1982. с. 54.

онаго для сведения вашего превосходительства включая копию, обязываюсь просить вас довести до сведения Турецкого правительства о таковом незаконном со стороны сераскира ко мне требования, поставить оному на виду, что сия неуместность ***дает мне право заключать о тайных действиях сераскира к возжжению в Абхазии мятежа,*** *толике противных дружественным связям, между обеими высокими державами существующим, ибо имею я верное сведение, что братья Хасан-бея Батал-бей, Ростом-бей и Таир-бей, движимые духом мятежа и поджигаемые людьми неблагонамеренными, явно восстают противу теперешней правительницы Абхазии, и что последнего из них Таир-бея отправляют в Константинополь с просьбой об оказании им пособия как к нападению и истреблению крепости Сухумской, так и к возведению в звание владетеля Абхазии отцеубийцы Арслан-бея...»* [39].

Одновременно генерал А.П. Ермолов посылает ответное письмо Хаджи-Салах-паше от 8 июня 1821 года следующего содержания: «*Получив письмо коим ходатайствуйте об освобождении и отправлении к вам арестованного Хасанбея, сына умершего Абхазского владельца Келеш-бея, имею честь ответствовать, что если бы подобное требование получил я не от вас, а от кого-либо другого из чиновников знаменитейшей Порты Оттоманской, менее известного своими достоинствами и обширностью сведений в делах государственных.... Я сделал бы своеобразный тому ответ...относительные сведения...в отношении пограничных дел...под управлением нашим состоящим и соседним с ним Абхазским владением, о коем вам должно быть совершенно известно, что самовластный владелец онаго покойный Ке-*

[39] АКАК. Т.- 6. ч.- 1. с. 656.

*лешбей никогда над собою непризнававший законной власти Порты, а только иногда пользовавшийся её покровительством, с 1805 году, по доброй своей воле искал со всем своим владением войти в зависимость от России и потом сын его, недавно умерший Сефер-Али-бей, в 1810 году особым трактатом....все происходило во время переменявшихся несколько раз войны и мира между двумя высокими державами, при которых и до сего времени Абхазия осталась в непосредственной зависимости и в подданстве Российской Империи то и не могу я не удивляться, что распоряжения Российского правительства насчет Хасанбея, подданного России, изволите признавать противными мирным условиям и трактату, заключенному между обеими высокими державами...**Еще более удивляет** меня **присваиваемое** вами **блистательной Порте Оттоманской право на зависимость от неё Хасан-бея** потому, как вы в письме своем изволите изъясняться, что он мусульманин. Итак, по сему образу суждения, неужели и все многочисленные, внутри самой Российской Империи обитающие народы мусульманского вероисповедания....должны тоже почитаться подданными великого султана Турецкого потому, что они мусульмане.*

Почитаю нужным уведомить вас, благоприятель мой, что Хасан-бей за то, что еще при жизни брата своего Сефер-Али-бея, законного владельца Абхазии восставал против его власти, производил возмущения в народе, делал грабежи, разбои и всякие в земле беспорядки, по приказанию моему арестован как беспокойный подданный и нарушитель общего спокойствия и удален из Абхазии – остается мне покорнейше просить, чтобы вы...благоволили ***не вмешиваться в распоряжения Российского правительства о своих подданных, подобно тому, как Российское правительство...не позволяет себе входить в дела соседних Турецких пашалыков»***[40].

Таким образом, документы и их анализ прямо свидетельствуют об опережающем действии российской военной администрации с целью ареста князя Гасанбея, чтобы исключить его из активных влияний на восставший народ Абхазии, предварительно оклеветав его в нападении на солдат Сухумской крепости.

Для водворения спокойствия в Абхазии, царское военное командование принимает решение подключить генерала П.Д. Горчакова, командира 3-ей бригады 22-ой пехотной дивизии и войска Имеретии. Принятые меры для усмирения народного возмущения со стороны царской военной администрации оказались недостаточны. Волнения в народе не утихали, а все сильнее накалялись. Генерал П.Д. Горчаков был прав, когда предвидел большой мятеж. Он видит выход из создавшегося положения в отзыве ненавистного абхазам коменданта Сухумской крепости майора Могилянского и назначении нового – капитана Михина, но и эта мера не приносит успеха.

Братья арестованного Гасанбея - Баталбей, Ростомбей и Таирбей, а также некоторые князья Маршания и Инал-ипа были неумолимы. Они требовали освобождения и возврата князя Гасанбея. Их стараниями был осуществлен мятеж против нежелательной правительницы, которую подозревали в аресте князя Гасанбея, в перепалке был убит подпоручик Бочкарев, сопровождавший Гасанбея в качестве конвоя в Тифлис.

Для достижения своей цели мятежники прибегли к помощи Турции, в лице турецкого военачальника.

---

[40] АКАК. Т.- 6. ч.- 1. с. 656.

Однако, как видим, предпринятая акция со стороны чиновников военного командования по аресту князя Гасанбея имела и неожиданное неприятное для царской администрации последствие. Турецкое правительство реагировало на события в Абхазии быстрее, чем русские генералы. Оказалось, что фигура князя Гасанбея была в полной мере недооценена, так как в защиту князя Гасанбея поднялись и военные сановники Оттоманской Порты в лице сераскира Турции Хаджи-Салах-паши. Установив связи с восставшими лидерами в Абхазии, Турция обещала всяческую помощь, тем самым, придав дополнительный военный импульс к решительным действиям восставших в Абхазии. Для координации действий между лидерами народа, турецкие паши помогли высадиться в Абхазии князю Асланбею, имевшему большой авторитет в народе. Снабдив Асланбея оружием и деньгами, рассчитывая, что на этот раз он сумеет овладеть Сухумской крепостью и открыть её для турецкого десанта. Сам Асланбей не только не скрывал, но напротив, всячески подчеркивал, что он пользуется покровительством и поддержкой турецкого султана. Он уведомил народ, что имеет фирман от султана Махмуда II об утверждении его «*абхазским беем*»[41].

«*Не было главы восстания, но он скоро явился в лице неугомонного Арслан-бея*» - писал историк К.Кудрявцев[42].

Утром 11 сентября Асланбей во главе большого отряда с распущенными знаменами проехал под самыми стенами Сухумской крепости, гарнизон которой не осмелился сделать вылазку. Комендант Сухума подполковник Михин

[41] Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории… с. 54.
[42] Кудрявцев К.Д. Сборник материалов… с.168.

(сменивший Могилянского), настоятельно требовал помощи.

Как известно, многие участники мятежа в поддержку князя Гасанбея были схвачены и арестованы. Напуганная происходящим, княгиня Тамара пытаясь смягчить настроение народа, пишет письма чиновникам разного ранга об освобождении осужденных. В частности, из письма командующего военным отрядом в Соук-Су, полковника князя В.О. Бебутова генералу А.П. Ермолову от 14 марта 1823 года читаем: «*...Её светлость княгиня Тамара...просит даровать прошение тем Абхазцам, кои застрелили в прошлом 1821 году подпоручика Бочкарева*» далее в заключении выносится предложение о «*прощении брату Хасанбея – Ростомбею, при условии, что он выдаст убийцу Бочкарева...*» [43].

Наблюдая ускорение в решительных действиях восставших в Абхазии, Император России Александр I по просьбе генерала А.П. Ермолова наместника Кавказа, утвердил кандидатуру князя Дмитрия (Омарбея) Шервашидзе-Чачба, владетелем Абхазии. Правление Абхазией молодым, утерявшим абхазские национальные черты, князем Дмитрием длилось недолго, всего год, что было связано с его преждевременной смертью.

По представлению генерала А.П. Ермолова в 1823 году, царь Александр I возвел князя Михаила (Хамутбея) владетелем Абхазии, пожаловав чин майора с жалованием 1000 рублей серебром в год. Михаилу было 16 лет [44].

Для поддержки малоопытного в делах управления владетельного князя Михаила в грамотном проведении

[43] АКАК. Т.- 6. ч. -1. с. 662-663. Поручик Бочкарев сопровождал князя Гасанбея в качестве конвоя в Тифлис.
[44] АКАК. Т.- 6. ч.- 1. с. 644.

внутренней политики в отношении князей и оппозиции, удержания твердой установки на власть, княгиня Тамара и её сын владетельный князь Абхазии, обращаются с письмами к влиятельным русским чиновникам с просьбой об освобождении из ссылки в Томске абхазского князя Гасанбея, так как хорошо осознают, как этот акт положительно отзовется в народе, и в определенной степени смягчит напряжение и отношение к ним.

Разделяя позицию княгини Тамары и её сына владетельного князя Абхазии Михаила, министр иностранных дел граф К.В. Нессельроде в отношении генералу И.Ф. Паскевичу от 4 июня 1827 года уведомляет: «*Из дел канцелярии вашего высочества, усмотреть изволите, что по распоряжению начальника сослан в Сибирь на жительство Абхазский князь Хасан-бей, родной дядя нынешнего владетельного князя Абхазии.* ***Генерал-губернатор Восточной Сибири свидетельствуя о нравственности Хасанбея и о жизни,*** *которую ведет ныне,* ***ходатайствовал неоднократно об освобождении его из заточения.*** *В то же время доставил приобщаемое у сего объяснение помянутого князя, коим оправдывая себя, полагает, что удаление свое из отечества не иному чему приписать не может, как неосновательным сведениям дошедшим до главноуправляющего в Грузии чрез враждующих ему лиц.* ***Строгость правил Его Императорского Величества, чтобы никто без вины не претерпевал наказания, побуждает меня обратиться к вам с покорнейшею просьбою во 1-х узнать вернейшим образом, до какой степени Хасан-бей заслужил наказание коему подвергнут, и во 2-х, полезно ли, или вредно будет возвращение его в отечество,*** *буде* ***действительно удален по единой клевете****, и о том, что окажется, как равно о мнении*

вашем по последнему предмету, почтить меня уведомлением для доклада Государю императору» [45].

Считаясь с настоятельными просьбами об освобождении князя Гасанбея, генерал А.П. Ермолов в письме к управляющему Министерством внутренних дел, от 15 января 1827 года, прямо пишет: «***Убеждаясь многократными просьбами теперешнего владетеля Абхазии, майора князя Михаила Шарвашидзе, о возвращении на родину дяди его****, и ожидая от удовлетворения просьбы сей, того, что* ***быть может, Хасан-бей, излеченный от мечты обладания княжеством*** *шестилетним почти отлучением из онаго, соединит себя узами искренности с пользами дома владетельного... прекратить бунт, деятельно поддерживаемое одним из его родственников, Арслан-беем... всех более домогавшегося впоследствии владения княжеством.* ***Я прошу покорнейше вашего распоряжения о дозволении Хасан-бею возвратиться на родину*** *по выдаче ему с одним находящимся при нем прислужником подорожной и прогонов по положению и на путевые издержки»* [46].

Из указанного выше отношения следует, что князь Гасанбей, находясь в Сибири, не был лишен необходимых князю элементарных удобств и даже имел при себе прислужника.

Вследствие ходатайства графа И.Ф. Паскевича и князя Михаила, князю Гасанбею было разрешено возвратиться из Томска на родину, о чем генерал Бенкендорф и сообщал генерал-адъютанту Синягину отношением от 10 ноября 1827 года.

---

[45] АКАК. Т.- 7. с. 402.
[46] АКАК. Т.- 6. с. 655.

В 1828 году князь Гасанбей возвращается в Абхазию и начинает жить в своем Келасурском владении[47]. Находясь в Сибири, ему удалось хорошо выучить русский язык. Первое время он редко выезжал из своего имения. Нечастые поездки в Сухум ограничивались лишь посещением Сухумского базара, к крепости он не приближался, опасаясь повторений измены. Дюбуа де Монперэ в своей работе «Путешествие вокруг Кавказа...» так описывает пребывание князя Гасанбея вблизи Сухумской крепости: «*Князь приблизился к воротам сухумского базара для того, чтобы поговорить с комендантом крепости...**в крепость князь не вошел** – так поступает он всегда **опасаясь измены**...это был действительно кавказский разбойник: не только у него на поясе висели два больших пистолета, но, разговаривая, он еще играл третьим с таким дьявольским видом, как будто хотел сказать: «Не трогайте меня или берегитесь!»*»[48].

Но вскоре князь Гасанбей вовлекается в активную деятельность, уже по-другому воспринимает происходящие вокруг него события. Создает отряд «абхазской милиции» и с ней принимает участие в русско-турецкой войне (1828-1829гг.), получает звание майора и золотое оружие «за храбрость» при осаде Поти.

Особо были отмечены его заслуги графом И.Ф. Паскевичем, которому князь Гасанбей оказал неоценимые услуги. Как известно граф намеревался после заключения Адрианопольского соглашения (1829 г.) приступить к немедленному покорению кавказских народов, в число которых были включены и абхазы. Было решено начать с «Абхазской экс-

[47] Торнау Ф.Ф. // Русский вестник. 1864. №11.
[48] Фредерик Дюбуа де Монперэ Путешествие вокруг Кавказа. – Сух. Абгиз. 1937. с. 142.

педиции». Для этого в первую очередь необходимо было изучить Абхазию как в географическом, топографическом отношении, так и нравы, обычаи и религию народа. Но, осуществлению данного мероприятия мешали события в самой Абхазии, а именно, проводились агитационные работы со стороны турецко-настроенной части населения (под давлением турецких эмиссаров)[49] недовольных принятием Адрианопольского соглашения. Нужно было успокоить Абхазию, тем более что владетель её, князь Михаил находился в Грузии.

Известно, что юный владетельный князь, живущий в своем имении в Соук-Су (Лыхны), внезапно (1827 г.) был подвергнут нападению со стороны крестьян, и чудом остался жив, если бы не был спасен с помощью русской войной силы. Случившееся, ускорило его отъезд в Тифлис, где он в течение 3-х лет получил необходимое образование, стал читать и писать по-русски. Царская администрация возлагала на него большие надежды и не жалела средств, для его просвещения в нужном им направлении[50].

Одновременно, в этот период в Бзыбской Абхазии, во главе с Таербеем Чачба (один из сыновей владетеля Келешбея) формируется вооруженный отряд в количестве трех тысяч добровольцев, к которым примкнули и цебельдинцы – нацеленные против российского присутствия в Абхазии. Вся надежда, остановить возмущенных возлагалась на князя Гасанбея. Граф И.Ф. Паскевич писал: «*Князь Гасанбей, всегда нам преданный, и пользовавшийся значительным влиянием в своем сухумском уделе, старался всеми силами*

[49] Здесь имеется в виду приезд двухбунчужного паши Хаджи-Сулемана с султанским фирманом.
[50] Дзидзария Г.А. Труды. Т.- 3. с. 48.

подавить это волнение, но...абхазцы с негодованием отвергли его примирительные доводы»[51].

В 1830 году, окрепший и более подготовленный в политическом плане, князь Михаил возвращается в Абхазию в Соук-Су. И с этого времени он и его вернувшийся из ссылки дядя вместе решают судьбу Абхазии.

По сведению В.А. Пахомова по возвращении Гасанбея из Сибири, князь Михаил предложил дяде стать владетелем Абхазии, но князь Гасанбей был очень прозорливым и сразу понял, что предложение было «*притворное*» и потому торжественно при народе отказался. Гасанбей лишь потребовал от Михаила возврата своих имений, которыми он владел до ссылки «*заключавшиеся между реками Кодором и Шицкуара*». Владетель согласился, так как, многие свидетели были живы и могли подтвердить справедливость требуемых угодий[52].

Интересные сведения о князе Гасанбее мы находим из предписания графа И.Ф. Паскевича генералу Г.А. Эмануелю от 18 марта 1830 года, в котором дана оценка деятельности князя: «*Несмотря на гонение им перенесенное видно очень привержен к России. Услуги его доказали сие, впрочем, недавно, с тех пор, как он был введен снова в его владения, спокойствие в оных не было нарушено, не смотря на войну с Турцией. Рожденный от законной жены Келешбея, он по обычаям сих племен пользуется между оными большим уважением,*

[51] Паскевич И.Ф. Утверждение наше в Абхазии (инструкция ген.-л. Панкратьеву). // Кавказский сборник. Т.-13. – Тифлис. 1889. в кн.: Материалы по истории Абхазии (в 7-ми томах) Т.-4. с. 130.

[52] Пахомов А.В. Объяснительная записка управляющего имениями Г.Д. Чачба-Шервашидзе в Сухумскую сословно-поземельную комиссию. 1868 г. // В кн.: Материалы по истории Абхазии. Т.- 3. сост. Куправа А.Э., Салакая С.Ш., Авидзба А.Ф. – Сухум. 2012. с. 421.

нежели братья его. Одна из его сестер замужем за брата нынешнего сераскира, который в сие время является двухбунчужным пашою и наместником в Трепизонде. Так как Батум был прежде собственностью Келешбея, то жители тамошние не хотят повиноваться никому кроме, как одним потомкам сей фамилии. Так что, турецкий наместник в Батуме был принужден для сохранения своего места жениться на сестре Хасанбея. По случаю смерти сей жены, он принужденным находится ныне искать руки его дочери...».[53]

Находясь на службе российского правительства, князь Гасанбей старается по возможности мирно решать возникающие проблемы и проводит бескровную миротворческую политику с целью предотвратить ненужное кровопролитие и сохранить народ.

Сведения такого характера мы находим в рапорте генерала К.Ф. Гесса графу И.Ф. Паскевичу, в котором говорится о том, как князю Гасанбею удалось предотвратить столкновение Абхазской милиции с непокорным князем Алибеем: «*Получил рапорт исполняющего должность в Сухум-кале коменданта капитана Жилина, от 12 мая, что владетель Абхазии князь Михаил собрал до 1300 человек милиции в версте от крепости, с намерением следовать для наказания непокорного ему поручика князя Али-бея, который имеет сношения с Цебельдинцами, но* ***майор Хасан-бей, предвидя все неудобства сего предприятия*** *и даже сомневаясь в преданности собранной милиции,* ***принимает меры примирить владетеля*** *с Али-беем и распустить войско, которое уже начинает чувствовать недостаток в пище, ибо жители окрестных селений не в силах доставлять оной.*

[53] АКАК. Т.- 7. с. 886-887.

Капитан Жилин еще доносит, что многие князья не исключая и владетеля, имеют между собой личные неудовольствия. Цебельдинцы же и другие разбойники, пользуясь их несогласием, бродят партиями и делают шалости...»[54].

Владетельный князь Михаил, прибывший в Сухумкале из Лыхны, сообщил генералу К.Ф. Гессе, что бзыбцы, руководимые Федоруко Инал-ипа и Хитом Лакырба, поддерживаемые садзами, псхувцами, айбговцами и другими полны решимости перейти к активным действиям против него. Для переговоров с повстанцами по предложению графа И.Ф. Паскевича был направлен именно князь Гасанбей, имевший большое политическое влияние в стране. И как пишет Г.А. Дзидзария: «*Хасан-бей пользовался большой популярностью и русские использовали её для достижения своей цели*»[55].

Благодаря стараниям князя Гасанбея, почти все экспедиции, в которых он принимал участие, заканчивались без кровопролития. По признанию графа И.Ф. Паскевича князь Гасанбей был более достойным кандидатом на владетельский пост, чем князь Михаил[56].

Граф писал об Абхазии и в частности о князе Гасанбее следующее, что: «*Хотя сия часть земли более тридцати лет считалась под влиянием нашего правительства, но мы не имели средств удерживать оную в повиновении. Притом, владетель Абхазии не есть настоящий наследник сего достоинства, а признан и утвержден в сем звании единственно по ограниченным и неверным сведениям которыя здешнее начальство имело об упомянутом крае: По праву первородства сан владетеля Абхазии должен принадлежать кому либо из дядей князя Михаила, из коих один, Гасанбей, по несправедливому подозрению в неблагонамеренности противу России, был ошибочно, с распоряжения генералов Ермолова и Вельяминова, схвачен и отослан в Сибирь, откуда возвратясь по высочайшему повелению в 1828 году удерживает один в продолжении четырех лет спокойствие Абхазии, доказывая тем и приверженность свою к нам, и власть, которую он имеет над народом...»*[57].

[54] АКАК. Т.- 7. с. 403
[55] Дзидзария Г.А. Труды. Т.-3… с. 50.
[56] Там же с. 53.

Так, русское командование многим обязано было князю Гасанбею, благодаря которому русское присутствие в Абхазии приняло благожелательный для царизма оборот.

Но были и такие волнения в народе, где и князь Гасанбей был не в силах остановить. Так, например, в апреле 1830 года абхазцы, собравшись у селения Мерхеул, в 15 верстах от Сухума, числом в 5 тысяч человек, дали присягу оставаться непокорными русскому правительству и владетелю Абхазии. Произвели нападение на форштадт Сухумской крепости, далее ограбили Пицундский храм, напали на дом владетеля в Илори (в 4-х верстах от Очамчир) и разорили богатейший во всей Абхазии монастырь св. Георгия Илорского. «*Все усилия преданного русским князя Хасанбея отвлечь абхазцев от возмущения оказались тщетными*» [58].

Несмотря на то, что князь Михаил уже был возвращен в Абхазию, но власть его по-прежнему оставалась бессильной даже в собственном уделе, не говоря о влиянии на остальную часть Абхазии.

К.Д. Мачавариани писал: «*Ермолов хотел опять взяться за карательные меры в Абхазии и Цебельде для признания*

[57] Паскевич И.Ф. Утверждение наше в Абхазии… с. 124.
[58] Мачавариани К.Д. Описательный путеводитель… с. 251.

русской власти, но князь Горчаков, зная положение края, отговорил его от такого предприятия, тем более что дела на Кавказской линии и осложнения с Персией отвлекли внимание главного начальника Кавказского края, и Абхазия была оставлена на произвол судьбы. Владетельный князь Михаил удалился в Мингрелию, а в Абхазии фактически во власти русских оставалась Сухумская крепость. Асланбей продолжал волновать Абхазию. ***Абхазию успокоил*** *только возвращенный из Сибири по просьбе Михаила –* ***Хасанбей Шервашидзе»***[59].

Это же подтверждает И.Ф. Паскевич, отмечая, что именно князь Гасанбей «*один в продолжение четырех лет удерживает спокойствие в Абхазии*».[60]

Таким образом, следует отметить и немаловажный факт, что своими действиями князь Гасанбей оказывал неоценимую услугу и владетелю Абхазии князю Михаилу, чье кресло при определенных обстоятельствах могло сильно пошатнуться, так как, прибытие 2-х бунчужного паши Хаджи-Сулемана с султанским фирманом стало принимать угрожающий характер. И как отметил И.Ф. Паскевич: «*Вследствие одного еще нового обстоятельства оно разыгралось бы неизбежно кровавою драмою над Сухумом и, может быть, над самим князем Михаилом, если бы Гасанбей не постарался всеми мерами оттянуть этот кризис до прибытия наших войск...*»[61].

В начале 1830 года, для предварительного осмотра будущего места расположения штаб-квартиры российских войск в Абхазии, был секретно командирован поручик Генерального штаба барон И.К. Аш. Началась работа по собиранию подробнейших сведений о береговых и других дорогах, ведущих из Абхазии к Анапе, а также о соседствующих народах на пути следования из Абхазии через Кавказский хребет. Для осуществления этого плана к нему был приставлен майор Гасанбей Чачба[62].

[59] Мачавариани К.Д. Описательный путеводитель… с. 249.
[60] Паскевич И.Ф. Утверждение наше в Абхазии… с. 124.
[61] Паскевич И.Ф. Утверждение наше в Абхазии… с. 130.

Способность и волевые качества князя Гасанбея не ускользнули от внимания нового управляющего на Кавказе барона Г.В.Розена.

Барон Розен, вступая в новую должность командира отдельного Кавказского корпуса, в рапорте военному министру А.И.Чернышову писал: «*Забочась о благоустройстве разных частей обширного высочайше мне вверенного края, я с приездом моим в Тифлис* ***обратил особое внимание на Абхазию,*** *могущую по положению своему на берегу Черного моря и богатству естественных произведений достигнуть высшей степени благосостояния. Дабы иметь точное понятие о настоящем положении я вызвал* ***одного из значительнейших тамошних князей подполковника Гасанбея Чачба,*** *с ним вместе прибыл и владелец полковник Михаил Шервашидзе*»[63].

Как видим, главные вопросы судьбы и устройства Абхазии, барон пожелал обсуждать именно с владетелем Абхазии князем Михаилом и более опытным его дядей князем Гасанбеем (обратим внимание, князя Гасанбея он в своем рапорте ставит на первое место).

На встрече в Тифлисе обсуждались вопросы, связанные с охраной береговой линии, о необходимости кроме

[62] Дзидзария Г.А. Махаджирство… с. 61.
[63] Материалы по истории Абхазии (1762-1859) Т.- 2. сост. Куправа А.Э., Салакая С.Ш., Авидзба А.Ф. – Сухум 2011. с. 125-126.

морских крейсеров иметь достаточное количество особенных плоскодонных лодок для беспрестанного осмотра берегов; так как небольшие турецкие плоскодонные длинные лодки, называемые кочермами, легко проскальзывали по мелководью и незаметно приближались к берегу, не могли быть достигнуты крейсерами.

Вместе с тем, на встрече был поднят вопрос и другого, серьезного характера, свидетельствующего о том, что князь Михаил вместе с князем Гасанбеем вынашивали идею объединения всех удельных княжеств в единую централизованную власть. Князь Михаил и князь Гасанбей уверяли барона Г.В. Розена о том, что хотя абхазцам известно, что турки отказались от владычества на восточном берегу Черного моря, но им до сих пор неизвестны намерения и требования русского правительства; в связи с чем они просили направить в Абхазию «*доверенного и значительного чиновника*» и, собрав всех князей объяснить им непременную волю государя императора о признании князя Михаила главным владельцем.

Однако со временем отношения князя Гасанбея с владетельным князем Михаилом осложняются, этому способствовал междоусобный раздор. Приближенными князя Михаила был убит один из вассалов князя Гасанбея. Возмущенный случившимся князь Гасанбей с небольшим сопровождением отправляется в Кутаис, чтобы подать жалобу, но по пути он вынужден был возвратиться, так как его настигли люди владетеля в количестве 200 человек и пытались захватить его. Бесстрашный Гасанбей, несмотря на их многочисленность, сумел оказать сопротивление, убив при этом одного дворянина Халима Лакербая (доверенного кн. Михаила). Родственники убитого требовали возмездия. Владе-

тельный князь Михаил принял сторону убитого дворянина, вынуждая князя Гасанбея подчиниться. Князь Гасанбей человек «*самый тонкий и хитрый интриган и при этом человек с самой умной головой во всей Абхазии, открыто смеялся над притязаниями своего племянника*»[64], утверждая, что это его право жестокого отмщения за дерзкое покушение против его особы.

Такое поведение со стороны князя Гасанбея означало совершенное пренебрежение властью владетельного князя. Вся Абхазия следила за исходом разрешения создавшегося серьезного конфликта. Князь Гасанбей хорошо понимал, что, несмотря на правоту его, русское военное командование не окажет ему поддержки против владетельного князя, и он обращается за помощью к черкесам, угрожая их набегом своему племяннику. Он уверял князя Михаила, что горцы будут наступать с трех сторон, тремя отрядами, один из которых пойдет с моря на галерах, второй вдоль морского берега и, наконец, третий выступит с высоты гор[65]. Полученное известие сильно насторожило владетельного князя Михаила и он решает вступить в переговоры со своим дядей, которые не принесли успешный результат. Князь Гасанбей предлагал решить вопрос при посредничестве влиятельных дворян и феодалов, желал одним из них видеть известного дворянина Каца Маан, но князь Михаил отверг это предложение. Между тем князь Михаил в Соук-Су делает укрепление и на левом берегу реки Бзыбь, завал для воспрепятствования черкесов в Абхазию сухим путем.

---

[64] Фредерик Дюбуа де Монперэ … с. 119.

[65] Фредерик Дюбуа де Монперэ … с. 119; Материалы по истории Абхазии. Т.- 2. с. 142-144.

Лишь позднее при посредничестве русской военной администрации князь Гасанбей восстановил отношения со своим племянником. После примирения он, впервые, после возвращения из ссылки решился войти в Сухумскую крепость и посетить там могилу отца и поклониться.

И в дальнейшем посещая крепость, посреди которой стояла деревянная церковь, а за нею возвышалось дерево, которое было посажено отцом Гасанбея, князем Келешбеем для сына Баталбея – продолжало приносить прекрасные груши. Вправо от церкви была сохранена могила самого Келешбея, сложенная из простых камней. «*Надобно было читать его чувства в то время, когда князь Хасанбей смотрел на эту могилу и на это дерево*»[66].

Заслуживает внимания и то, как жил князь Гасанбей после ссылки. Довольно обширный дом его в Келасурах был выстроен целиком из дуба и ясеня. Часть нижнего помещения была совершенно открытой, лишь имелись небольшие ограждения; деревянная лестница вела на галерею, которая выступала вдоль всего фасада дома. «*Дом был полон слугами человек пятнадцать, вооруженные с головы до ног, напоминали двор восточных царей, когда приближенные стояли у дверей своего повелителя, чтобы по первому его знаку броситься исполнить его приказание. Их одежда почти ничем не отличалась от черкесской у большинства из них на голове был надет башлык «ахтырпа», длинные концы которого обвивали голову и завязывались сзади. Некоторые из них принадлежали вероятно, к более высокому сословию, так как у них на головах были тюрбаны из турецкой шали...также круглая татарская шапочка, отороченная черным мехом.*

[66] И.И. // Одесский Вестник. № 30-33. 1839 г.

Почти у всех были бурки – на плечах или за спиной в виде свертка»[67].

Дюбуа де Монперэ в указанной выше работе также отмечает и внешний вид князя Гасанбея: «*Князь встретил нас на галерее среди своих приближенных;* ***это был человек красивой наружности****, лет сорока или пятидесяти; его тюрбан был из турецкой голубой шали с разводами; его одежда состояла из шелкового полукафтана, заправленного в узкие брюки из коричневого сукна...Его черкеска желтовато-зеленого цвета; крышечки гильз для патронов – серебряные;* ***на поясе у него привешен, следуя обычаю, прекрасный пистолет, украшенный серебряной резьбой***» [68].

Князь Гасанбей, как настоящий абхаз, самым главным достоянием и гордостью украшавшим стены его комнат считал, имеющиеся у него великолепные оружия всевозможных видов, развешанных на деревянных колышках, главной из них была сабля - «***Золинген***».

Князь Гасанбей любил принимать гостей и угощал их привезенным из Сухума Донским шампанским, но сам его не пил.

Главное летнее жилище князя Гасанбея находилось в Цебельде, верхней долине реки Кодор, у подножья горы Марух. Туда на отдых он отправлял обычно семью.

С давних пор в Абхазии ходили слухи, что в окрестностях Сухума имеются залежи свинцовой и серебряной руды. Русское военное командование обратилось к князю Гасанбею как к владетелю этих территорий оказать услуги в проведении разведывательных работ двум русским инженерам. Поскольку пребывание в горах для русских было небезопас-

[67] Фредерик Дюбуа де Монперэ Путешествие… с. 139.
[68] Фредерик Дюбуа де Монперэ Путешествие… с. 139.

ным, князь Гасанбей предпринимает хитрую уловку, одевая русских геологов в абхазскую одежду и в сопровождении вооруженной охраны (20 человек) помогает им подняться вверх долиной Кодора по чрезвычайно трудной дороге. В результате были принесены несколько образцов свинцовой руды, которая оказалась недостаточно богатой, чтобы стоило её разрабатывать.

Отсутствие должной береговой охраны, слабое русское крейсерство сторожевых судов на побережье Абхазии способствовали свободной бесконтрольной активизации контрабандных товаров, которые выгружались в Абхазии. Контрабандисты, имея связи среди прибрежных жителей, используя систему световых сигналов, в темные ночи проскальзывали в укромные места побережья и вытаскивали суда на сушу, а там некоторые турецкие работорговцы имели свои дворы, дома и склады. Несмотря на официальный запрет продажи горцев, запрет этот в действительности нарушался. Отмечены были также случаи, когда шкипера турецких кочерм подкупали служителей карантино-таможенных правлений[69]. Наиболее известным местом в этом отношении был Очамчири. С одного только Очамчирского базара абхазские князья получали солидный доход. Непосредственно князю Гасанбею принадлежавшему Келасур в 30-х годах, а потом его сыну князю Дмитрию Чачба, давали доход в 1300 рублей серебром, тогда как владетель имел 500 рублей серебром[70].

А.Н. Дьчков-Тарасов писал в отношении Гасанбея, что он «*большой покровитель контрабанды, доставлявшейся турками, находившими у Гассана (Хасанбея) убежище, скла-*

[69] Дзидзария Г.А. Махаджирство … с. 264.
[70] Дзидзария Г.А. Труды. Т.- 3. с. 73.

ды и защиту»[71]. Как известно в 1832 году была учреждена таможенная застава, но вместе с тем, контрабанда дававшая абхазским князьям солидный доход, продолжала процветать.

К сожалению, необходимо отметить, что главными лицами, которые попустительствовали этой деятельности в Абхазии, были члены владетельного дома и сам владетель князь Михаил. Швейцарский француз ученый геолог, натуралист, археолог Дюбуа де Монперэ писал, что «*этот ужасный торг прекратился бы совершенно, если бы, Михаил-бей и Хасан-бей не были сами его первыми зачинщиками*»[72].

Другой француз - путешественник, коммерсант Поль Гибаль, находясь на келасурском базаре, принадлежавшем дяде владетельного князя Гасанбею Чачба, наблюдал жуткую картину как «*молодые люди разного возраста ходили с кандалами на ногах*»[73].

Еще в период правления Келешбея Шервашидзе-Чачба, - отмечал А.В. Пахомов «*последовало более определенное разграничение Абхазии на округа, во главе которых стояли представители владетельской фамилии, которые в тоже время считались удельными князьями. Так, Бзыпской Абхазией управлял Сафербей (Лыхны), Гумской – Хасанбей (Келасур), Баталбею и Ростомбею – Мерхеул, которое после смерти владельцев перешло к Хасанбею, Абжуйский (Атара, Кутол) – Бекирбею, Самурзаканью владели представители «особой линии» фамилии Шервашидзе (Бедия, Барбала), Анаклией не-*

[71] Дъячков-Тарасов А.Н. Абхазия и Сухум…. С. 638, 649.
[72] Фредерик Дюбуа де Монперэ Путешествие… с. 122.
[73] Дзидзария Г.А. Махаджирство… с. 259-260.

которое время – Махмудбей. В горной полосе – Цабал, Дал, Псху – первенствующими являлись князья Маршания»[74].

Гумский район официально именовался Сухумским или Абхазским округом, а также по утверждению А.В. Пахомова – «***Хасанбей идгил***» (земля Хасанбея). Гасанбеем была получена эта территория с условием, что обеспечит своих братьев Ростомбея, Баталбея и Таирбея, а также брал на попечение лишенного наследства Асланбея[75].

Среди населенных пунктов в начале XIX века выделялось село Келасур, расположенное недалеко от Сухума и считавшееся предместьем. Значение его особенно возросло после перенесения сюда резиденции княжны Рабии-ханум и её сына Гасанбея, тогда оно начинает преобразовываться чуть ли ни во «вторую столицу». Француз Поль Гибаль, посетивший Келасур в 1818 году, сообщает, что здесь были 100 или 200 торговцев, один портной, один оружейник, два мастера серебряных дел, два булочника, одна кофейня. Сюда заходили небольшие суда. Между Сухумом и Келасуром было установлено ежедневное сообщение, которое поддерживалось судами, лошадьми и пешком. Тот же Поль Гибаль подчеркивает, что келасурский рынок – «*самый крупный, самый богатый из всех в крае; здесь сконцентрирована вся торговля, и товары там бывают круглый год. Абхазцы приезжали туда купить продовольствие и привозили излишки продуктов. На рынке было более 50-ти лавок*»[76].

Владения князя Гасанбея и его сына Дмитрия были расположены на значительной части современного Сухумского и Гульрипшского районов. Эти владения и вся терри-

[74] Дзидзария Г.А. Труды. Т.- 1. с. 62, 224.
[75] Дзидзария Г.А. Труды. Т.- 1. с. 61.
[76] Дзидзария Г.А. Труды. Т.- 1. с. 169.

тория, которую келассурские Чачба считали своим наследственным уделом распространялась почти от р. Шицкуара (западнее р. Гумиста) и до р. Кодор от берега моря до Цебельдинского нагорья. На этой территории площадью не менее 25 тыс. десятин с 23 селами (Гумиста, Ачадара, Яштхуа, Гумма, Бырцха, Абжаква, Амкял, Келасур, Айбухца, Багбаран, Мерхеул, Герзаул, Кацигыларта, Парнаут, Гульрипш с поселком (Цкыбын) и мн.др. По данным на 1857 год, там проживало около пять тысяч крестьян. Почти во всех княжеских селах сидели управляющие. Известно, что сын Гасанбея князь Дмитрий часть доходов от своих крестьян отдавал управляющим вместо зарплаты. А при самом князе находился управляющий над всеми имениями[77].

Как известно, в Абхазии было три рода князей: князья – обыкновенные, князья владетельного рода Шервашидзе, и сам владетельный князь Абхазии.

Князья владетельного дома Шервашидзе в основном зависели от внимания владетеля Абхазии; пользовались только от народа особыми внешними знаками уважения, целование пола их платья и т.д.

Исключение составлял князь Гасанбей (и его потомство), владетель Абхазии не мог переселить его в какое либо другое место, так как он являлся наследственным потомком настоящих владетелей Абхазии, имел свою недвижимую и движимую собственность, своих князей, дворян и крестьян, и только в делах общих, касающихся вопросов Абхазии, находился в зависимости от владетеля [78].

[77] Фадеев А.В. Хозяйство и двор абхазского помещика накануне реформы. – Сух.1939. с. 106-131.
[78] Чернышев К. Еще об Абхазии. В кн.: Абхазия и абхазы в российской периодике. Ч.- 1. с. 171.

На холме, над бегущей к морю рекой Келасур, где находилась главное имение, возвышался большой белый княжеский дом с восточными балконами. В селе Мерхеул стоял другой двухэтажный дом, а село Парнаут было летним местопребыванием князя Гасанбея и его сына Дмитрия. В Парнауте был разведен сад и переселено туда несколько крестьянских семейств из фамилии Циба (подвластных его матери) и Шаламберия, для необходимой обслуги князю.

Многие считали, что в Абхазии была единственная мельница в Лыхнах, но уже к 20-30 годах их имелось уже несколько. Поль Гибаль в 1818 году только на реке Келасур обнаружил три мельницы. Кроме того, мельница была и на реке Басла, и все они принадлежали князю Гасанбею[79].

Выше нами было описано владение князя Гасанбея по сообщению Дюбуа де Монперэ, в этой связи не лишним будет отразить и описание, данное бароном Торнау: «*Рубленный деревянный дом, имеющий вид четвероугольной башни, стоял на высоких каменных столбах. Крытая галерея, охватывающая весь дом, на которую вела узкая и чрезвычайно крутая лестница, облегчала его оборону. Двор был окружен высоким палисадом с бойницами, в котором открывалась тесная калитка, способная пропустить одного человека или одну лошадь. Довольно было взглянуть на постройку дома, на окружающий палисад, на эту маленькую плотно затворенную калитку, чтобы понять всегдашнее состояние, в котором Гасан-бей проводил свою жизнь...Против его дома над самым морем находился длинный ряд деревянных лавок принадлежавших туркам перешедшим из Сухума в Келассури, когда крепость досталась русским...Гасан-бей, управлявший Сухумским округом на правах удельного князя, считался не*

[79] Дзидзария Г.А. Труды. Т.- 1. с. 147.

без причины самым закоренелым покровителем турок, проживавших в Абхазии...Турецкие купцы платили ему значительную пошлину за право торговли и сверх того доставляли ему все редкие товары, которых нельзя было найти в целой Абхазии...келасурские торговцы невозбранно продолжали продавать табак, рахат-лукум, и бумажные материи...»[80].

Князь Гасанбей еще в начале XIX века, перейдя на местожительство из Сухума в Келасур, перевел с собой не только часть крестьян подвластных ему, но и крепостных. Крепостным он позволил расчистить себе земельные участки в горах близ Келасур. Это было сделано для того, чтобы быть предупрежденным и защищенным от непрошенных набегов. С этой целью вокруг были установлены несколько возвышенных будок (вроде сторожевых башен), где ночью укрывалась «*верная и храбрая защита*» стража Гасанбея, которая в основном состояла из абхазцев и турок. А в самом селе Келасур князь расселил лишь небольшую часть крестьян, которые должны были доставлять в дом князя: кур, сыр, молоко, яйца и другие продукты. Князем было установлено, что крестьяне: во-первых, обязаны были давать в пользу князя кукурузу (три бичуквы), по два апхала (мера кувшина) вина; во-вторых, на праздник Пасхи приносить ягненка или козленка[81].

Интересным фактом является и то, что подвластным князя Гасанбея с его позволения и желания разрешено было заниматься торговлей на келасурском базаре и иметь там лавки. Так что часть келасурских торговцев состояла из подвластных крестьян кн. Гасанбея и его сына[82].

[80] Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера… с. 23-24.
[81] Дзидзария Г.А. Труды. Т.- 1. с. 288.
[82] Там же с. 223.

Во время пребывания кн. Гасанбея в Сибири, дворяне по фамилии Званба подчинили себе драндских крестьян. Вернувшись из Сибири, Гасанбей не лишил дворян Званба права пользоваться повинностями этих крестьян. Но вместе с тем, он обязал их сверх того давать в пользу его пастухов, пасших стада в селе Цкыбын, по три мешка кукурузы и по два кувшина вина. Кроме того, во время Пасхи каждый крестьянин подвластный дворянам Званба обязан был приносить Гасанбею, а потом его сыну князю Дмитрию – барашка, козленка или курицу в зависимости от состояния. Таким образом, в одном и том же имении были крестьяне подвластные и князю Гасанбею и дворянам Званба.

Князь Гасанбей мог быть щедрым и благодарным. Так, в награду за воспитание его младшего брата Ростомбея, семью Лолуа из села Ауарча, он освободил от всех повинностей.

Князь Гасанбей часто бывал в кругу черкесов и абазинцев, приезжавших к нему за решением своих тяжебных и судебных дел: он переходил от одной толпы к другой, давая наставления и советы, нередко проводя таким образом целый день. Абхазы, гостившие в его владениях, приходили прощаться с ним, при этом они становились на одно колено и целовали полу его платья.

Известно также, что князь Гасанбей имел в своем распоряжении несколько лодок и два больших судна, а также и несколько судов для мореплавания и рыболовства[83].

Являясь удельным князем, владея обширными территориями, кн. Гасанбей имел огромное количество лошадей, буйволов, коров, баранов, и никто не мог сеять ни кукурузы,

[83] Материалы по истории Абхазии. Т.- 1. … с. 143.

ни проса на низменных местах по берегу моря и крестьяне вынуждены были обрабатывать свои земли на горе.

К 30-м годам Сухум-кале представлял жалкую картину в санитарном отношении, канавы были засорены разного рода нечистотами, особенно в 1836 – 1838 годах в среднем из 659 человек гарнизона в год умирало 154. Воздух крепости был заражен. Необходимо было остановить этот губительный для здоровья процесс. По просьбе генерала Н.Н. Раевского высшее начальство разрешило проводить работы по очищению территории. По проекту майора Лободы необходимо было: 1). Соединить все родники и дать им постоянный сток в море; 2). Привести в надлежащий вид старые канавы, углубить их и т.д. Для осуществления этой серьезной задачи были привлечены старожилы с помощью которых, по их памяти, восстанавливались прежние рвы. Особое участие в осуществлении намеченных санитарных работ оказывал князь Гасанбей – Чачба[84].

После возвращения из Сибирской ссылки, князь Гасанбей не прекращал поисков «знаменитой» сабли, которая у него была отобрана при аресте в Сухумской крепости. Он негодовал и жаловался, что ему не вернули самое дорогое для него оружие из имевшейся у него большой коллекции – наследственную саблю, полученную от отца. Оценивал он эту саблю в 10000 рублей. Кутаисское губернаторство находилось в большом беспокойстве, узнав о притязаниях князя. Оцененная сумма была настолько велика, что равнялась доходам целой губернии.

Заслуги и политическое влияние князя Гасанбея по проведению российских интересов внутри Абхазии в среде оппозиционных князей не остались незамеченной в царской

[84] Дъячков-Тарасов А.Н. Абхазия и Сухум… с. 646.

военной администрации и особенно ярко демонстрировалось расположением к нему новым главнокомандующим на Кавказе бароном Г.В. Розеном.

Интересные сведения о князе Гасанбее и его знаменитой сабле описаны в отношении барона Розена к графу А.И. Чернышову от 11 февраля 1832 года: «*Абхазский князь подполковник Хасан-бей Шервашидзе, как известно вашему сиятельству был сослан на жительство в Иркутск; в 1828 году, по Высочайшему повелению оттуда возвращен и за оказанные им услуги при занятии Абхазии войсками нашими награжден настоящим чином.*

При арестовании его в крепости Сухум-кале в 1821 году вместе с прочими вещами, по показанию его брата, ***была отобрана*** *бывшим там комендантом майором Могилянским –* ***сабля, доставшаяся ему по наследству от предков, по доброте своей и древности своей весьма дорого ценимая и известная по всей Абхазии.*** *По возвращении из Сибири, Хасан-бей особенно просил о возвращении ему сего оружия, весьма им уважаемого. В делах Сухумского коменданта не оказалось никаких сведений об отобранных у Хасан-бея вещах, Могилянский, ныне служащий по особым поручениям при Херсонском гражданском губернаторе, отозвался, что Хасан-бей точно был им схвачен и отправлен в Тифлис, но вещей его, а в особенности сабли, в видении его, Могилянского, не поступало и что, не имея предписания от главноуправляющего в Грузии о сбережений вещей Хасан-бея, он не был в праве отбирать оныя от команды, ибо таковые достались оной войною; но что в том же году он купил саблю у подпоручика Бочкарева 150 Голландских червонцев, но чья была эта сабля и от кого Бочкареву досталась, ему неиз-*

вестно; доставить же оную обязывается по возвращении ему 150 червонцев.

Кроме показания Хасан-бея, самый отзыв Могилянского служит к обвинению его. Князь сей (Хасан-бей) был приглашен в крепость Сухум-кале и в оной захвачен. Посему вещи его не могли по праву войны принадлежать команде, но комендант обязан был сберечь оныя и донести начальству; ссылка на подпоручика Бочкарева навлекает тоже большое подозрение на Могилянского; ибо офицер сей умер в том же 1821 году 15 июня. Равномерно отзыв его о неизвестности кому принадлежала сабля, не может быть принят, ибо зная здешние обычаи можно удостовериться, что никакое другое оружие здесь не продается без больших или меньших рассказов об истории онаго.

По всему вышеизложенному, нахожу Могилянского виновным в краже вещей Хасан-бея, которые по званию коменданта он должен был сберечь. Показания Хасан-бея и собственный отзыв Могилянского навлекают на него сильное подозрение в присвоении себе сабли, почему обращаюсь к вашему сиятельству с просьбой об исходатайствовании высочайшего соизволения на отбирании оной у Могилянского и доставление сюда, для удостоверения, принадлежит ли оная Хасан-бею. Считаю излишним объяснять вашему сиятельству, что сие должно быть сделано под благовидным предлогом, дабы Могилянский как видно чиновник не весьма благонадежный, не мог представить какой-либо другой сабли. Ходатайствовать о сим принуждает меня особенно чрезвычайное желание Хасан-бея получить обратно столь драгоценное для него оружие. ***Возвращение онаго он примет как особенную себе милость; в глазах же абхазцев это бу-***

дет почтено блистательным примером правосудия Российского правительства.

P.S. Вследствие этого ходатайства последовало Высочайшее повеление о немедленном отыскании ***оружия****, которое и* ***было возвращено Хасан-бею*** *при письме барона Розена, от 12 июня 1832 года»* [85].

Даже военный историк ген.-л. Василий Потто, в своем пятитомном труде, отметил о поразительной настойчивости с какой хлопотал о пропаже сабли абхазский князь Гасанбей, просьба его дошла, наконец, до самого государя, и: «*Император Николай рыцарским чувством оценил всю важность утраты азиатского князя и приказал во что бы то не стало разыскать шашку…*»[86].

В 1835 году с секретной миссией в Абхазию был направлен барон Ф.Ф. Торнау. Основной его задачей было ознакомление с краем и его жителями с целью дальнейшего устройства военной дороги от Гагры к Геленджику. В первую очередь необходимо было установить знакомство с «нужными лицами». Ф. Торнау решил начать с «*умного и хитрого Гассан-бея (Хасанбея) тайного противника русских*». Г.А. Дзидзария писал: «*Для Торнау было очень важно приобрести расположение этого, в самом деле незаурядного человека, а тем более заслужить его доверие...Хасан-бея лучше иметь «приятелем» чем врагом: вражда с ним была весьма опасна если учесть широкие связи князя с горцами*» [87]. Князь Гасанбей нужен был Ф. Торнау для решения цебельдинского дела, с его помощью он надеялся проникнуть в Цебельду,

[85] АКАК. Т.- 8. с. 444.
[86] Потто В.А. Кавказская война. Т.2… с.389.
[87] Дзидзария Г.А. Ф.Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX века. М., 1976. с. 27.

увидеть хотя бы её часть. Ф. Торнау узнает, что сестра князя Гасанбея замужем за уважаемым цебельдинским князем и пытается с её помощью решить свой вопрос. Но это решение было отвергнуто бароном Г.В. Розеном. Для того, чтобы вызвать к себе расположение князя Гасанбея Торнау специально переодевается в национальную одежду – черкеску. Сам Ф. Торнау в своих воспоминаниях о первом дне знакомства с князем Гасанбеем в его келасурском владении писал, что князь встретил его «*вооруженный с двумя длинными пистолетами, один из них держал наготове*» [88].

Известно, что князь Гасанбей был женат на дочери Нарчу Инал-ипа, который пострадал от притеснений князя Михаила[89].

Вместе с тем среди архивных документов, касающихся личной жизни князя Гасанбея было найдено письмо вдовы Манучара Шервашидзе, княжны Кетеван к генералу Н.Ф. Ртищеву от 19 февраля 1815 года, из которого видно, что после смерти владетеля Самурзакани, вдова его княгиня Кетеван решила выйти замуж за князя Гасанбея. Но генерал Н.Ф. Ртищев не поддержал её желание, мотивируя тем, что «*Хасан-бей ищет руки вашей единственно для присвоения Самурзаканского владения …*»[90].

Деятельность князя Гасанбея была высоко оценена царским генералитетом. Начинал он карьеру со звания поручика. В работе Г.А. Дзидзария читаем: «*Келасурский феодал Хасан-бей Чачба, известный деятель экспедиции Паскевича в 1830 году, получил чин-****поручика***»[91]. В рапорте комен-

[88] Дзидзария Г.А. Ф.Ф. Торнау и его кавказские материалы… с. 28.
[89] Дзидзария Г.А. Труды. Т.- 3… с. 67.
[90] АКАК. Т.- 5. с. 507.
[91] Дзидзария Г.А. Труды. Т.- 3. .. с. 68.

данта Сухумской крепости капитана Жилина от 12 мая 1830 года, князь в звании – ***майора***[92]. В отношении барона Г.В. Розена к графу А.И. Чернышову от 11 февраля 1832 года, он в звании – ***подполковника***[93]. А уже в предписании барона Г.В. Розена к владетельному князю Михаилу от 2 мая 1834 года, в звании – ***полковника*** [94]. Если бы не преждевременная смерть, несомненно, он дослужился бы и до более высокого воинского чина.

Князя Гасанбея любили в народе и ему были посвящены песни, о чем свидетельствует анонимный автор в своей путевой заметке, восхищаясь пением абхазского народного певца Хакуца, который писал: «*...забавляя меня своими песнями, иногда под скрипку, сделанную из куска дерева, и на которой вместо струн были натянуты конские волосы...песни его состояли из описания старинных подвигов...их князей, в похвале храбрости, оружию, коням, описанию набегов, любовных приключениях, о ревности мужей, о насмешках над обманутым в любви.* ***При воспевании подвигов кн. Хасанбея, Хакуц приходил в восторг, пел гораздо громче и выразительнее*** *и, наконец заключал свою песню обыкновенным припевом «айрища» повторенным несколько раз*»[95].

Установившиеся отношения между владетелем Абхазии князем Михаилом и его дядей князем Гасанбеем казались лишь наружно удовлетворительными. Совершенно очевидно, что князь Гасанбей не мог верить в искренность своего племянника и видел в нем тайного противника, так и князь Михаил не мог видеть, как возвышался авторитет

[92] АКАК. Т.- 7. с. 403.
[93] АКАК. Т.- 8. с. 444.
[94] АКАК. Т.- 8. с. 449.
[95] Согум-кале (из путевых записок о Кавказе). В кн.: Абхазия и абхазы в российской периодике. Ч.- 1. с. 38.

князя Гасанбея в народе, который ставил его во многих случаях выше самого владетеля. Главное, что не мог простить Гасанбею Михаил это, его расположение царскому начальству и влияния на Цебельду.

Неизвестны подробности последних лет жизни князя Гасанбея. Есть основание предполагать, что к его судьбе приложил руку владетельный князь Михаил, так как нам известны факты того, как владетельный князь устранял всех, кто стоял на его пути и пользовался большим влиянием в народе, чем он [96]. По сообщению А.В. Пахомова, князь Гасанбей: «*После одного из своих визитов к владетелю, к которому он ездил советоваться об общем участии, которое они должны были принять в большой экспедиции предпринимавшейся русскими войсками в Цебельду, Гасанбей остановившись на обратном пути в селение Ачадара, был отравлен эшерским крестьянином Хакуцем Шамба. После этого он успел впрочем, съездить в Цебельду, помочь русским и затем, вернувшись домой в Келасури, умер*»[97].

В этой связи интересным представляется сообщение барона Г.В. Розена из его предписания владетелю Абхазии князю Михаилу от 2 мая 1834 года, где он ругает князя за то, что он не принимает никаких мер по наказанию провинившихся феодалов и, в частности, указывает на Хасана Маан (Маргания): «*...Человека вредного для общества который должен быть вами наказан за многие преступления, и в особенности за то, что* ***он посягает на жизнь вашего родного дяди полковника князя Хасан-бея*** *Шервашидзе...****Явное покровительство ваше сему...может навлечь...вам новые справедливые неудовольствия со стороны вашего***

[96] Дзидзария Г.А. Труды. Т.- 3. с. 67.
[97] Пахомов А.В. Объяснительная записка… с. 422.

дяди *и возобновить те беспокойства в Абхазии, которые ... могли быть вредны и даже всему вашему дому...»*[98].

Из приведенного сообщения видно, что владетельный князь Михаил в определенной степени потворствовал устранению своего дяди, и с его молчаливого согласия совершались покушения на жизнь князя Гасанбея. Из сообщения следует также, что авторитет князя Гасанбея был по-прежнему велик, и он был в силах «*возобновить беспокойства в Абхазии».*

К.А. Бороздин писал в отношении упомянутого выше Хасана Маан (Маргания): «*Он был ревностным исполнителем владетельских «велений самого мрачного свойства». Голова каждого из преданных его (владетеля) абхазцев знала, что она сидит крепко на плечах до тех пор, пока не вздумается владетелю, почему бы то ни было, снести её оттуда. И проделывалось все это Хасаном Маан с чрезвычайным искусством, быстро и без всякого шума»* [99].

Неприязненные отношения князя Михаила в дальнейшем были и к сыну князя Гасанбея Дмитрию, который был женат на одной из дочерей мегрельского князя Левана Дадиани.

В монографии академика А. Э. Куправа, вышедшей в 2010 году, «Люди: время и жизнь» в разделе, посвященном сыну князя Гасанбея Дмитрию отмечено: «*Дмитрий Хасанбеевич Шервашидзе-Чачба... находился в неприязненных, впоследствии в ярых враждебных отношениях с владетелем Абхазии М. Шервашидзе... Возвратившись в Абхазию 1857 году,*

[98] АКАК. Т.- 8. с. 449.
[99] Бороздин К.А. Завказские воспоминания. Мингрелия и Сванетия (1854-1861) СПБ., с. 221.; Дзидзария Г.А. Труды. Т.- 1. с. 226.

он застал разоренное имение, землями его владели Михаил Шервашидзе и другие абхазские феодалы...»[100].

Свидетельство подтверждающее, что к смерти князя Дмитрия был причастен владетель Абхазии мы находим у А.Н. Дъячкова-Тарасова, который, защищая князя Михаила, пишет: «*Михаила притесняли. Михаил защищался и Дмитрий (Абхазский округ), самый злой и хитрый его противник, был отравлен»*. В другом месте А.Н. Дъячков-Тарасов дает следующее объяснение: «*Михаил Шервашидзе, несмотря на весь свой склад восточного деспота, хорошо видел и оценивал положение вещей, и если не помогали домашние средства в устранении соперников, вел интригу в Кутаисе и Тбилиси и нежелательный субъект, в качестве противника русской власти высылался внутрь России. Например, случай в 1853 году с кн. Дм. Шервашидзе, сыном Хасанбея, двоюродным братом владетеля жившем в Келасуре. Это был человек преданный русским пользовавшийся уважением среди абхазов, но во многом не подчинявшийся Михаилу; пользуясь популярностью среди народа, за интересы которого стоял, он был ненавистен владетелю. Донести на него как на человека неблагонадежного было невозможно; кинжал и пуля были малодейственным, Дмитрий зорко охранялся своими приближенными, пришлось прибегнуть к яду»* [101].

Указанный факт отражен и в работе Г.А. Дзидзария [102] и в работе А.В. Фадеева[103].

Князь Дмитрий в 1858 году был отравлен, ему не было и сорока лет.

[100] Куправа А.Э. Люди: время и жизнь. – Сухум. 2010. с. 15-16.
[101] Дъячков-Тарасов А.Н. Абхазия и Сухум… с. 665.
[102] Дзидзария Г.А. Труды. Т.- 3. с. 101.
[103] Фадеев А.В. Очерки по истории Абхазии. – Сух. 1934. с. 106.

Боевые заслуги и жизнь полковника русской армии князя Дмитрия Гасанбеевича Чачба, а также и внука князя Гасанбея Георгия Дмитриевича Чачба, достигшего ошеломляющих успехов и признания, достаточно хорошо описаны в известных работах Г.А. Дзидзария[104] и в названной монографии академика А.Э. Куправа[105].

В данной работе освещены те моменты истории Абхазии первой половины XIX столетия, когда, то, или иное событие было связано с именем и непосредственным участием князя Гасанбея Чачба.

Деятельность его условно можно разделись на два периода.

Первый - до высылки в Сибирь: князь Гасанбей народный герой, ярый противник российского присутствия в Абхазии, один из лидеров освободительного движения, являясь серьезным препятствием для осуществления экспансионистских целей царского военного командования, был схвачен и обманным путем выслан в Сибирь.

Второй - после ссылки: возвратившись на родину, он меняет свое мировоззрение, очевидно, многое ему пришлось переосмыслить. Считаясь со сложившимися реальными обстоятельствами, князь обращается на службу к русскому правительству, используя свое положение, делая все возможное для блага своего народа, принимал умные решения в первую очередь направленные на сохранение народа, ограждая его от возможного кровопролития. Это удавалось ему потому, что авторитет его в народе по-прежнему был высок, к нему прислушивались, ему верили.

[104] Дзидзария Г.А. Махаджирство… с. 156-157.
[105] Куправа А.Э. Люди: время и жизнь… с.15-16.

Умер князь Гасанбей в 1838 году, ему было приблизительно 50 лет.

Обобщая жизненный путь князя Гасанбея и поступки, которые он совершал, можно выделить те черты характера, которые отражают его национальный дух, в соответствии с традициями и обычаями, которые питали его в свободных горских общинах и формировали как яркую личность, как борца за справедливость своего народа.

На могиле князя Гасанбея есть надгробная эпитафия, высеченная на турецком языке, в которой говорится:

«Он еще при жизни достиг близости спасения
День и ночь оказывал он хороший прием
Народу, общине; какое множество рабов (слуг)
Протягивало руку к его благодеянию
Да прочтем фатиху за спасение души
Гасан-бея, сына Келеш-бея
Хиджры = 1838 год»[106] [84].

Среди материалов АКАК было найдено и письмо на имя губернатора Восточной Сибири, написанное самим князем Гасанбеем от 30 апреля 1826 года, которое считаем необходимым представить полностью, как интереснейший документ, который в свою очередь проливает свет на действительные события, имевшие место.

[106] Бгажба Х.С. Из истории письменности в Абхазии. – Тб., 1967. с. 28.

Письмо Гасанбея генерал-губернатору Восточной Сибири.

«Великодушное покровительство ваше, оказанное мне в 4-х летнее пребывание ваше здесь в Иркутске...и доказанное нынешним ходатайством милости прибавки на содержание мое, дает мне надежду, что вы не откажетесь прочитать историю несчастного исторгнутого из недр родины и семейства, и если нижеописанное найдете уважительным, то употребите впредь высшим начальникам ваше ходатайство испросить несчастному человеку помилование и оказанию мне справедливости.

Отец мой известный Келеш-бей владетель Абхазии был принят под покровительство Российской державы, он лишился жизни от рук злодейских, хотя по крови ему близких. Я и братья мои, от одной матери рожденные остались Российской державе верными, когда другой наш брат...предался Оттоманской Порте, оною был покровительствован владеть Абхазиею, которую мы впоследствии времени получили посредством Российского покровительства обратно в новое владение и старший брат мой Сефер-бей владел спокойно, был в звании Российского генерала. Для защиты от набегов горных народов оставлен был в Сухум-кале Российский гарнизон. В это время я неоднократно вспомошествовал лично освобождению захваченных горскими жителями русских нижних чинов и доставлению виновных к суду, имел случай спасти Российского майора Огаркова, следовавшего из Сухум-кале в Редут-кале с командою из нескольких сот человек состоявшего, коего захватили метель и глубокие снега и остановили его; чем разбойники горские воспользовавшись, похищая у него людей,

он же с командою был близок погибнуть, но мною из сего бездейственного положения освобожден, и на моих лошадях доставлен к назначенному месту. А захваченные во время сего бедствия горными народами его команды были мной освобождены. О том известно главному Российскому начальству, и я удостоился получить знаки его благоволения. Но неопытность в Европейском обхождении, незнание порядка дел, молодость и гордость своим происхождением были причиною, что я не сохранил и даже не обращал старание мое собирать свидетельства на подвиги, которые я тогда сделал из приверженности к России покровительствующей род наш, никогда не мыслил, чтобы я при таковых поступках мог подвергнуться нынешнему несчастью, причины которого мне и доныне непостижимы. С Турецким правительством я не имел никаких политических сношений, хотя был в молодых годах во владении Турецком, в государственных городах, но по своим торговым делам, по родственным связям и из любопытства; ибо Турецкое правительство, мстя нашему роду за отца нашего, старалось меня захватить и, вероятно, лишить жизни. Возвратившийся оттуда я жил в своем семействе счастливо и спокойно до несчастного часа, в котором смерть лишила нас отца и покровителя, похитив Сефер-бея, владетеля Абхазского, старшего нашего брата.

Во время сего для нас печального события случилось следующее происшествие, которое как я полагать должен, положило основание теперешнему моему бедствию. Один Русский солдат из Сухум-кальского гарнизона был поранен разбойником совсем не нашего подданства, а родственником врага нашего Аслан-бея. Происшествие это возродило между Русскими и одною Абхазскою деревнею ссору, о кото-

рой начальнику крепости было донесено, но в таком виде, что ранил солдата не разбойник как в самом то деле было, но Абхазец, наш подданный, почему послали из крепости людей, чтобы отыскать его в ближайших деревнях, в коих поступали с нами неприятельский; отчего между Русскими и Абхазцами произошла драка, и даже военная ошибка без моего, или семейства моего какого – ни будь участия.

Я услышал о происшествии сем, был намерен открыть причину онаго и с тем вместе уничтожить ссору между Абхазцами и Русскими, явился в то же время к коменданту крепости, прося его изъяснить мне причину сих неприятельских действий и, узнать от него оную, просил его, чтоб он на будущее время не принимал преждевременно неприятельских действий, о всех подобных сему происшествиях уведомлял предварительно меня, чем можно открыть тотчас виновника и учинить ему по вине наказание и отвратить ссоры, имеющие вредные и весьма пагубные последствия; а что причинен ими Абхазцам напрасный вред, то о том, объяснил я ему, что буду писать главнокомандующему в Грузии генералу Ермолову. Комендант, извиняясь в поступке своем, просил меня не писать прежде времени к генералу, а обождать его о сем донесении к нему же Ермолову; с чем расстался я с ним и отправился спокойно домой, был уверен в правоте дела своего, но тотчас по приезд сделался болен жестокою горячкою, которою был одержим полтора месяца. Случай сей, остановил мое донесение генералу Ермолову, в какой же силе о сем происшествии донос коменданта ни тогда, ни после того мне не объявлено, а только известно, когда по выздоровлении от болезни комендант крепости, призвал меня к себе объявил, что он имеет от генерала Ермолова повеление об удалении меня из Абхазии, но не изъяснил

за какие вины я к сему изгнанию подвергнут. Повинуясь повелению сему, я надеялся, что могу увидеться с генералом Ермоловым, узнать лично от него о причине моего удаления, или в Петербурге от высшего Российского правительства, но вместо того генералу Ермолову лично я представлен не был, а отослан прямо из Грузии в Сибирь, не знав за собой никакой вины, по которой бы должен быть удален из владений. Я полагаю причиною тому не что иное как несправедливое донесение коменданта крепости, который сделав поступок самый непростительный против союзников и опасаясь справедливости за то взыскания, может быть успел во время моей болезни оклеветать меня перед высшим начальством.

Если я ошибаюсь, что причиною моей ссылки в Сибирь было донесение коменданта, то полагать должен другую, т.е. от хитрости старшего моего брата, бежавшего в Турцию, который какими ни будь прописками не нашел ли случай, удаляя меня из Абхазии, овладеть оною, лишив меня законного права наследства, ибо я непримиримый враг брату своему, сделавшему в семействе нашем столь важное злодеяние, не могу оставить и желания отомстить ему; или давняя вражда дома нашего с домом Менгрельским кн. Дадиани. Но как я ни в каком случае не могу утвердительно причину объяснить, то прошу изъяснить мне ту высокую милость, объявить мне мою вину, дозволить принести оправдание, и, если и окажусь виновным, предать меня всей строгости Российских законов; но если только одно подозрение вверило меня в несчастье, то оказать справедливость, дозволить мне прибыть с объяснением в станицу и соединить меня с семейством, т.е. с женою и сыном, которые без меня остаются в величайшей нужде. Но когда по рассмотрении моего дела я

не найден буду виновным и Российскому Правительству угодно будет восстановить мое счастье и возвратить моему отечеству, то я клянусь пред Всевышним, что возвращением моим Абхазцы нашего владения сделаются самыми верными Российской державе, и я все требования оной удовлетворю в полной мере, и верности моего слова представлю аманатов и сына моего, если он еще жив.

Изложив сим мои чувства, могу честью уверить, что все есть сущая справедливость и что я не осмелился вам представить ничего ложного, что считаю при тех милостях, которые получаю, великим стыдом. Предаю судьбу свою совершенно в руки ваши»[107].

[107] АКАК. Т.- 7. с. 401-402.

Список использованной литературы

1. **Абин М.** Махаджиры. Возвращение домой. – Сух. 2009.

2. **Акты собранные Кавказской археографической комиссиею** (в дальнейшем **АКАК**) под ред.ст. сов. Ад. Берже. Тифлис, Типография Главного Управления Наместника Кавказа Т.-4. 1870; Т.- 6. ч.-1.1874; Т.- 7. 1878.

3. **Амаршан В.Д.** Царь величавых гор. – Сухум. 2007.

4. **Ачугба Т.А.** Этническая история абхазов XIX-XX вв. – Сухум . 2010.

5. **Ачугба Т.А.** История Абхазии в датах. – Сух. 2011.

6. **Бгажба Х.С.** Из истории письменности в Абхазии. – Тб., 1967.

7. **Бороздин К.А.** Закавказские воспоминания. Мингрелия и Сванетия. Санкт-Петербург. 1861.

8. **Гаужба Р.Х** Сафарбей. // Республика Абхазия. 1999, 10-13 июня.

9. **Гунба М.М., Шамба Г.К.** История Абхазии с древнейших времен до XX века. – Сух. 2001.

10. **Дзидзария Г.А.** Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сух. 1982.

11. **Дзидзария Г.А.** Ф.Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX века. – М., 1976.

12. **Дзидзария Г.А.** Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. – Сухуми 1979.

13. **Дзидзария Г.А.** Труды. Т.-1. – Сух. 1988.

14. **Дзидзария Г.А.** Труды. Т.- 3. – Сух. 2006.

15. **Дъячков-Тарасов А.Н.** Абхазия и Сухум в XIX столетии.// Абхазия и абхазы в российской периодике. Сост. Р.Х. Агуажба, Ачугба Т.А. Ч.-2. – Сух. 2008.

16. **Дюбуа Де Монперэ** Путешествие вокруг Кавказа. – Сух. 1937.

17. **Инал-ипа Ш.Д.** Антропонимия абхазов. – Майкоп. 2012.

18. **Кудрявцев К.Д.** Сборник материалов по истории Абхазии. – Сух. 2009.

19. **Куакуаскир И.** История Абхазии. – Сух. 2010.

20. **Куправа А.Э.** Люди: время и жизнь. – Сух. 2010.

21. **Лакоба С.З.** Асланбей. – Сух. 1999.

22. **Лакоба С.З.** История Абхазии. – Сух. 1991.

23. **Лакоба С.З. Бгажба О.Х.** История Абхазии. – Сух. 2007.

24. **Лакоба С.З.** Очерки политической истории Абхазии. – Сух. 1990.

25. **Лакоба С.З.** Второй блин и опять комом...// Нужная. 30 ноября, 2010.

26. **Материалы по истории Абхазии**. Т-1. сост. Г.А. Дзидзария. – Сух. 2008.

27. **Материалы по истории Абхазии**. Т.-2. сост. А.Э. Куправа, С.Ш. Салакая, А.Ф. Авидзба. – Сух. 2011.

28. **Материалы по истории Абхазии.** Т.-3. сост. А.Э. Куправа, С.Ш. Салакая, А.Ф. Авидзба. – Сух. 2012.

29. **Мачавариани К.Д.** Описательный путеводитель по городу Сухум и сухумскому округу. – Сух. 2009.

30. **Очерки истории Абхазии.** Ч.-1. – Сух. 1960.

31. **Пахомов А.В.** Объяснительная записка управляющего имениями Г.Д. Чачба-Шервашидзе в сухумскую сословно-поземельную комиссию. В кн. Материалы по истории Абхазии. Т.-3. – Сух. 2012.

32. **Паскевич И.Ф.**Утверждение наше в Абхазии. (инструкция ген.-л. Панкратьеву). // Кавказский сборник. Т.-

13. Тифлис. (1889г.). В кн.: Материалы по истории Абхазии (7-ми томах) Т.-4.

33. **Потто В.А.** Кавказская война. (в 5-ти томах) Т.-2. – Тифлис 1903.

34. **Салакая С.Ш.** Проблемы истории Абхазии XIX – начала XX веков в абхазской советской науке. Автореф. Диссерт. На соиск. уч. ст. канд. ист. наук. – Сухум 2009.

35. **Согум-кале** (из путевых записок о Кавказе). В кн. Абхазия и абхазы в российской периодике. Ч.-1. сост. Агуажба Р.Х., Ачугба Т.А. – Сух. 2005.

36. **Торнау Ф.Ф.** Воспоминания кавказского офицера. // Русский Вестник. Т.-5. М., 1864.

37. **Фадеев А.В.** Россия и Кавказ в первой трети XIX века. – М., 1960.

38. **Фадеев А.В.** Краткий очерк истории Абхазии (древнейших времен до крестьянской реформы 1870 года). Ч.-1. – Сух. 1934.

39. **Фадеев А.В.** К вопросу о феодализме в Абхазии. – Сух. 1931.

40. **Фадеев А.В.** Хозяйство и двор абхазского помещика накануне реформы. – Сух. 1939.

41. **Цвижба Л.И.** Этно-демографические процессы в Абхазии в XIX веке. – Сухум. 2001.

42. **Чернышев К.** Еще об Абхазии. В кн. Абхазия и абхазы в российской периодике. Ч.-1. сост. Агуажба Р.Х., Ачугба Т.А. – Сух. 2005.

43. **Эсадзе С.С.** К 40-летию уничтожения автономии Абхазии. // Абхазия и абхазы в российской периодике. Ч.- 1. сост. Агуажба Р.Х., Ачугба Т.А. – Сух. 2005.

Михаил Гумба

ГАСАНБЕЙ

(о политическом противостоянии за владение Абхазией между потомками Келешбея)

Редактор, корректор **Клычева Л.З.**

Формат 60х84/16. Тираж 200 экз.

Отпечатано в типографии «Полиграфия»
г. Сухум, ул. Сахарова 59

68

Михаил Гумба

ГАСАНБЕЙ

Сухум 2012

Михаил Гумба

ГАСАНБЕЙ

(о политическом противостоянии за владение Абхазией между потомками Келешбея)

Сухум - 2012

ББК 63.5 (5 Абх) 4
Г – 81

Научный редактор: доктор исторических наук,
профессор академик АН РА
Куправа А.Э.
Рецензент: кандидат исторических наук,
Доцент АГУ **Дбар С.А.**

Михаил Гумба Гасанбей. – Сухум. 2012. – 68 С.

В представленной работе аспиранта Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН РА - **Михаила Гумба,** впервые предпринята попытка на основе имеющихся разрозненных опубликованных материалов, а также с привлечением новых архивных документов, осветить деятельность одного из ярких личностей начала XIX века, сына владетеля Абхазии Келешбея – князя Гасанбея (Хасанбея), пользовавшегося большим влиянием в народе, который при благополучном стечении обстоятельств мог бы стать владетелем Абхазии.

Работа рассчитана на историков и широкий круг читателей, интересующих проблемы Абхазии начала XIX века.

Основные положения работы были апробированы в АБИГИ им. Д.И. Гулиа АН РА, на научно-практической конференции молодых ученых в июне 2011 года.

@ Гумба М. 2012

«Я видел в нем плотного человека, небольшого роста, одетого в богатую черкеску, с высокою турецкою чалмою на голове, вооруженного двумя длинными пистолетами в серебряной оправе; один держал в руке готовый для выстрела. Кто только знавал Гасанбея, не Помнит его без этих пистолетов, спасавших его два раза от смерти, и из которых он стрелял почти без промаха...».

Барон Ф.Ф. Торнау

Изучая историографию Абхазии XIX столетия, можно обнаружить большое количество научных исследований связанных с этим периодом[1]. Однако работ, посвященных всестороннему изучению и анализу исторической личности, становлению характера, отношения к изменениям, происходящим вокруг них событий, известно мало.

Задачей настоящего исследования является – показать многогранность характера одной из ярких личностей начала XIX века, сына владетеля Абхазии Келешбея князя Гасанбея (Хасанбея), отношение его с окружающими людьми и событиями, личные связи с владетельными князьями Абхазии – Сефербеем и Михаилом.

[1] Салакая С.Ш. Проблемы истории Абхазии XIX – начала XX веков в абхазской советской науке. Автореф. диссертации на соиск. уч. ст. канд. ист.н. – Сухум . 2009. с. 3.

Работа основана на сравнительном анализе архивных материалов и научных публикаций, обобщении разрозненного материала посвященного князю Гасанбею.

Князь Гасанбей Чачба-Шервашидзе – один из сыновей знаменитого владетельного князя Абхазии Келешбея и дочери цебельдинского князя Маршан – Рабии ханум, по характеру своему не был похож ни на одного из своих братьев. В народе говорили, что характером он пошел по линии матери в Маршаниевцев. Даже будучи совсем ребенком, он отличался от остальных детей необыкновенной смелостью и бесстрашием. Его стремительность и способность внезапно нападать на обидчика сравнивали с рысью.

С детских лет возникла и укрепилась дружба между двумя сводными братьями – Асланбеем и Гасанбеем. Все свободное время они в играх проводили вместе. Только их матери не находили между собой единства, так как каждая из них мечтала видеть владетельным князем своего сына. Лишь общая вражда их против князя Сефербея – сына Келешбея по матери Лейба, который был мегрельским зятем и претендовал на место владетеля – объединила их[2].

После того, как владетельным князем Абхазии стал князь Сефербей, Гасанбей, определенное время, поддерживал с ним деловые отношения, помогая ему в управлении страной, хотя, как известно, изначально он был на стороне князя Асланбея.

Говоря об окружении князя Сефербея, здесь необходимо вспомнить отчет представленный кап.-л. Додтом, в котором сообщалось, что когда они вошли в город их приветствовала толпа жителей среди которых была и Рабия-ханум

[2] Гуажба Р.Х. Сафарбей.// Республика Абхазия. 1999. 10-13 июня; Амаршан В.Д. Царь величавых гор. – Сухум. 2007. с. 51-57.

со своими сыновьями Гасанбеем (Хасанбеем) и Баталбеем. Появление Рабии-ханум можно объяснить следующим, как известно, незадолго до взятия крепости Сухум-Кале, ей уже было начислено Высочайшее жалование, которое еще до принятия присяги князем Сефербеем было разрешено частично получать. При начислении «*пенсиона*», министерство финансов, как свидетельствуют документы, исходило из того, что Рабия-ханум «*будучи дочь первого влиятельного цебельдинского князя*», что для того периода было немаловажно. Следовательно, она могла быть привлечена как посредник, во взаимоотношениях между «*непокорными цебельдинцами*» и российским военным командованием, и даже оказывать определенное влияние. В источнике отмечено, что Рабия-ханум: «*имеет большое влияние на сей (цебельдинский – М.Г.) народ...по связям родства много уважают ея требования, да и Абхазский народ много её почитает*»[3]. В указанном документе, упоминается и о том, что двое сыновей Рабии-ханум поддерживают Сефербея, это – Гасанбей и Баталбей.

Таким образом, все вышеприведенные сведения, позволяют свидетельствовать, что князь Сефербей на начальном этапе своего «правления», опирался на своих сводных братьев. В частности речь идет о князе Хасанбее (Гасанбей), который, как и его мать пользовался большим уважением и популярностью в народе. Связь с Гасанбеем, была неободима в первую очередь князю Сефербею[4].

[3] АКАК. Т.- 4, с. 415.

[4] Здесь необходимо обратить внимание на тот факт, что при первой, не удачной для кн. Сефербея попытке овладеть Сухумской крепостью (1808г.) он, добился освобождения Рабии-ханум, при этом ему пришлось дать огромное число аманатов. Очевидно, это было неспроста, уже тогда было понятно, что Рабия-ханум и её дети, пользующиеся

Князь Гасанбей поддерживал с Сефербеем деловые отношения, помогая ему в управлении страной. Генуэзский коммерсант, чиновник министерства иностранных дел России Р. де Скасси в своей докладной записке «О Сухуме и возможностях торговли с Абхазией» писал, что для решения разных вопросов среди абхазов: «*надо иметь дело только с двумя князьями Сафир-беем и Хасан-беем, которые пользуются у них большим влиянием*»[5].

На народных собраниях, где собирались абхазы, богатые дворяне, главы знатных семей «*владетельный князь Сефер-бей появлялся в сопровождении своего брата Хасанбея и многочисленной свиты*»[6].

Известно, что сын Сефербея Константин (Коситбей), согласно обычаям, первые годы своей жизни воспитывался у своего дяди Гасанбея. Что произошло как раз в 1811 году. Как отмечает выдающийся ученый кавказовед, профессор Г.А. Дзидзария, это было связано, с тем что: «*владетель Абхазии Сафербей, желая укрепить союз со своим братом Хасанбеем, отдал ему на воспитание (аталычество) своего сына*...»[7].

Об их взаимоотношениях свидетельствует также Поль Гибаль, которому, довелось быть очевидцем торжественного события, когда юный, уже 7-ми летний Коситбей возвращался в отцовский дом, его сопровождала большая вооруженная свита и несколько женщин, Гибаль писал: «*Обе стороны должны были обменяться дорогими подарками, и в течение 20 дней должны были происходить празднества и пиры*...»[8].

Связь с князем Сефербеем была выгодна в определенной степени и князю Гасанбею. Являясь богатейшим удельным (наследственным) князем Абхазии, о предприимчивости и решительности которого говорили все, пользовался большими связями с соседними горскими народами, был племянником «*непокорных цебельдинцев*», в связи с чем, и российское военное командование, безусловно, считалось с ним как с братом владетеля Абхазии и на многие его «торгово-контрабандные мероприятия» закрывало глаза. Пользуясь постоянным отсутствием владетеля в Абхазии, Гасанбей, зачастую принимал управление страной в свои руки. Очень примечательно в этом случае, сообщение Поля Гибаля, описывая увиденное своими глазами, отмечал, что когда проходило народное собрание влиятельных абхазских князей и дворян, где появлялся князь Сефербей в сопровождении брата своего Гасанбея, то именно князь Гасанбей направлялся к большой липе и располагался под деревом, куда: «*некоторые старейшины по очереди подходили к нему, оставляя при этом свиту сзади и обратившись к нему в очень почтительной форме, ... Каждый из них, поговорив с князем, немедленно возвращался и вскоре его уже окружали другие дворяне, подходившие в свою очередь, чтобы поговорить с князем*...»[9]. Этот факт лишний раз доказывает, что абхазские князья и дворяне отдавали предпочтение и считались с мнением князя Гасанбея.

сильным влиянием могли быть весьма полезны кн. Сефербею для дальнейшего утверждения своей власти.

[5] АКАК. Т.- 6, с. 646-664.

[6] Материалы по истории Абхазии. 1803-1839. сост Г.А. Дзидзария.Т.-1. – Сух. с. 138.

[7] Дзидзария Г.А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. – Сухум, 1979, с. 28.

[8] Материалы по истории Абхазии. Т.-1… с. 134.

[9] Материалы по истории Абхазии. Т.-1. с. 138-139.

Мы можем с определенностью говорить, что все это время князь Гасанбей вынашивал свою сокровенную мечту, вытеснить брата и стать владетелем Абхазии. В отличие от Сефербея он мог говорить с народом, его природный ум снискал авторитет и уважение в среде влиятельных князей и дворян, и он мог с легкостью взволновать массы.

Рассмотрим случай, где характер князя Гасанбея, его гордость и самолюбие привели к разрыву отношений с князем Сефербеем, проявившего слабость и беспринципность по отношению к нему.

Интересующий нас случай произошел в 1817 году, когда владетельный князь Сефербей в очередной раз выехал из Абхазии к своим родственникам в Мегрелию, а управление страной временно поручил своему брату князю Гасанбею.

Князь Гасанбей, проплывая на своем судне к крепости Сухум-кале, комендантом которого был майор Щелкачев, встречен был пушечным выстрелом, ядро которого пролетело в опасной близости от него и чуть не убило. Удивленный таким странным приемом коменданта, князь Гасанбей поспешил пристать к берегу, чтобы узнать причину случившегося и направил в крепость посыльного. Не успел посыльный вернуться на судно, как из крепости был произведен еще один пушечный выстрел, заставивший князя остаться на судне.

Вернувшемуся из поездки, владетельному князю Сефербею было доложено о случившемся происшествии. Проведя свое расследование, князь Сефербей установил, что поступками коменданта крепости майора Щелкачева руководили месть и злоба против его брата князя Гасанбея. Причиной злобы коменданта Щелкачева было то, что сбежавший от него крестьянин, имеретинец по происхождению, был укрыт в доме князя Гасанбея, в Келасурах. Когда об этом узнал майор Щелкачев и потребовал беглого крестьянина вернуть, князь Гасанбей отказал, сославшись на обычай абхазцев - не выдавать беглецов.

Затаивший злобу майор Щелкачев решил отомстить обидчику при первой возможности. Поэтому когда князь Гасанбей хотел войти в крепость, чтобы принять управление страной, то был именно таким образом встречен майором Щелкачевым, комендантом крепости Сухум-кале.

О случившемся владетельный князь Сефербей известил генерала А.П. Ермолова с просьбой арестовать майора Щелкачева и наказать его, чтобы никакое своеволие при несении службы в крепости не имело место. Об этом свидетельствует предписание генерала А.П. Ермолова генералу Курнатовскому: «*По сему случаю, Абхазский владелец просит, чтобы дело сие исследовать по всей истине и воздержать майора Щелкачева от своевольств, которые он делает. Если майор Щелкачев не представит достаточных оправданий, и вы удостоверитесь в точности вины его, тогда немедленно арестовать его, предать суду при 15-м Егерском полку и мне о следствии донести*»[10].

Однако, несмотря на то, что владетельный князь Абхазии просил воздержать коменданта крепости майора Щелкачева от грубого своевольства, создающего опасность для жизни его брата, следствие, проведенное майором Ивлевым, стало на защиту не князя Гасанбея, а коменданта крепости, о чем свидетельствует найденный в материалах АКАК рапорт генерала Курнатовского генералу А.П. Ермолову от 17 декабря 1817 года: «*Белевского пехотного полка майор*

[10] АКАК. Т.- 6. ч.-1. с. 643.

Ивлев, на которого генералом Печерским возложено было произвести исследование по случаю жалобы Абхазского владетельного князя Георгия Шервашидзе на Сухумского коменданта майора Щелкачева в неприличных якобы поступках с его братом означенного владельца Хасан-беем, по предмету чего имел я честь доносить от 4 ноября, доставил ныне ко мне при рапорте отобранные им показания от всех бывших при том офицеров,- о чем, донося, присовокуплю мое насчет обстоятельств сего дела мнение, что ***нельзя счесть Майора Щелкачева виновным в сделанных из одной предосторожности пушечных выстрелах мимо прошедших близ крепости Абхазских галер и лодки;*** *следственно ни по какой другой причине Абхазский владетель вздумал жаловаться, будто бы майор Щелкачев хотел убить его брата как по злобе на него, надеясь тем доставить ему от начальства неприятность или избавиться от него из Сухума.*

Легко статься может, что причина такой злобы есть та, что Щелкачев всемерно старается о выручке из Абхазии беглых солдат и вообще Российско-подданных, что видно для владельца неприятно, ***а насчет его Щелкачева должно относиться к похвале и чести.*** *Что касается бежавшего от майора Щелкачева крестьянина из Имеретинцев, который и доселе находится у Хасан-бея и в Редут-кале не отправлен, как о том пишет к полковнику Вельяминову...генерал Печерский по рапортам майора Щелкачева писал как владельцу, так и самому Хасан-бею, чтобы он (имеретинец) непременно был выдан его господину; но они считая такового беглеца своим гостем, того не исполняют....»*[11].

Как следует из рапорта к генералу А.П. Ермолову, майор Ивлев, проводивший следствие, в одном деле смешал совершенно разные события: и поступок коменданта крепости майора Щелкачева чуть не стоивший жизни брата владельца князя Гасанбея, и события о беглых солдатах и вообще о российско-подданных, чтобы представить майора Щелкачева в лучшем виде, не считаясь с требованием владетеля.

[11] АКАК. Т.- 6. ч.-1. с. 644.

Такое отношение к просьбе владетельного князя Абхазии со стороны военной администрации свидетельствует о недостаточном к нему уважении. Однако и владетельный князь Сефербей не показал твердый характер, не обратился дальше по инстанциям, не довел дело до самого Государя-Императора, что доказывает слабость его характера, безынициативность.

Видя, как беспомощен князь Сефербей перед произволом царской военной администрации, отсутствие способности вызвать справедливое к себе отношение приводят к осмысленному переходу князя Гасанбея на сторону опальных феодалов и более того создать свою партию. Как известно к тому времени и мать его Рабия-ханум была лишена «*пенсиона*» за поддержку князя Асланбея. Князь Гасанбей, лишь делал видимость, что поддерживает брата-владетеля.

Нежелание князя Сефербея принимать близко к сердцу трудности положения своего народа, неумение достойно устраивать его быт и нести ответственность за происходящее социальное напряжение, усиливало волнение в народе, вызывало беспокойство. Если раньше неповиновение владетельному князю носило локальное явление в лице отдельных князей вольных общин, то неуверенность в будущем и в судьбе страны вызывала озлобленность и неповиновение в большей части народа, имеющая нарастающий глобальный характер. Из документов следует, что «*...не бо-*

лее как в 20-ти верстах от крепости приверженные Арслан-бею абхазы грабят скот и похищают лошадей»[12].

Обеспокоенный таким положением к нему, владетельный князь пишет очередное послание с просьбой о помощи к генералу Курнатовскому от 25 апреля 1818 года: «*Желание мое есть то, чтобы владение мое, ровно жители онаго, по Высочайшей воле мне вверенные, пребывали в повиновении к правительству, поступки сих сходствовали с таковыми же послушных подданных Российского Престола и существовало между ними спокойствие, также истребились бы прежние их ни с чем несообразные обычаи. Но они, не соответствуя сему благому намерению моему и не принимая никаких наставлений, поступают противу сего порядка, производя пленнопродавство, смертоубийство и грабительство в деревнях и во всем сопротивляются правительству. Видя таковые обстоятельства и заметив их упрямство ... с просьбой* ***дать мне войско, дабы силою оружия унять их от противных правительству поступков...»***[13].

Тогда же генерал Курнатовский докладывал генералу Сталю от 9 мая 1819 года: «*Князь Георгий Шервашидзе, извещая меня о явном ему неповиновении своего народа, просил Мингрельского и Имеретинского войска для приведения онаго в послушание...Обстоятельства сие предавая рассмотрению и решению вашего превосходительства долгом ставлю присовокупить по местным моим сведениях,* ***что Абхазский владетель на самом деле еще слабее в управлении своим народом, нежели как сам о себе пишет, так что не смеет почти показаться народу, не хотящему ему повиноваться.*** *Главнейшая причина такого неповиновения есть*

[12] АКАК. Т.- 4. с. 339.
[13] АКАК. Т.- 6. ч.-1. с. 644.

та, что настоящий владетель утвержден в сем звании без дальнейшего исследования о преданности к нему ***Абхазцев, народа горского, вольного и воинственного*** *и с коим управиться трудно и тому, в ком нашлось бы более твердости и благоразумия. К сей причине, по всей вероятности, можно присовокупить и ту, что* ***Абхазцы более привержены к меньшему по отцу брату владельца - Хасанбею, твердому, предприимчивому и храброму****, как все слухи удостоверяют, человеку, который, неповинуясь сам своему брату, подстрекает, может быть тайными пружинами к тому и народ.*

Как же настоящий владелец в звании своем Высочайше утвержден и имеет неотъемлемое право на наше покровительство и защиту, то и полагаю я необходимо нужным удовлетворить его требования насчет дачи войска из Мингрельцев и Имеретинцев, для водворения тишины»[14].

Просьба владетельного князя Сефербея была удовлетворена с помощью высланного полка мегрельского владетеля князя Дадиани. Удалось усмирить многих опальных князей, и в том числе Гасанбея.

Однако этим действием Сефербею все же не удалось призвать к покорности население подведомственных ему округов и унять феодальную вражду. Они просто делали вид, что подчинились, но на деле это было не так. Внутриусобная вражда и неповиновение имели место на протяжении всего правления князя Сефербея.

Абхазские князья стремились к независимому управлению своим округом. Царила анархия. Как известно, в результате хитрых политических маневров Леван Дадиани получил право вмешиваться в дела Самурзакана. Цебель-

[14] АКАК. Т.- 6. ч.-1. с. 644.

динские князя также не признавали его власти. Стремление Сефербея прибегнуть к помощи своей мачехи Рабии-ханум, матери Гасанбея (дочери цебельдинского князя), склонить на свою сторону цебельдинцев; пообещав ей льготы от Его Императорского Величества, не увенчались успехом[15]. Лишь Бзыбская Абхазия подчинялась владетелю.

Таким образом, политика владетельного князя Сефербея, опирающаяся на грубую силу и царское оружие против своего народа и князей, закончилась неудачей.

После смерти князя Сефербея 7 февраля 1821 года, усиливается народное волнение и беспокойство, переросшее впоследствии в освободительное движение от российской экспансии на Абхазию.

На политической арене Абхазии появляется другой сын знаменитого владетеля Келешбея – **Гасанбей Чачба.** О котором Г.А. Дзидзария писал: «*...без особого труда он пришел бы к власти, если бы на его пути не стояли русские штыки*»[16].

На второй день после смерти владетеля Абхазии, князя Сефербея, т.е., 8 февраля, жители селений соседнего с Сухумской крепостью Эширы (Эшера) подвластных Гасанбею, собрались в количестве 200 человек и совершили нападение на русскую команду, посланную в лес за дровами. Выстрелы боевого столкновения были услышаны в Сухуме. Комендант Сухумской крепости майор Могилянский послал на выручку, для устрашения мятежников, роту пехоты и одним орудием во главе с поручиком Ермишковым[17]. В результате

[15] АКАК. Т.- 4. с. 405.
[16] Дзидзария Г.А. Труды. Т.- 3. – Сух. 2006. с. 36.
[17] По сообщению В.А. Потто, на выручку был послан поручик не Ермишков а,Гришков. См. Кавказская война. Т. 2. с. 383

столкновения был убит один солдат и несколько ранено. Мятежники незаметно скрылись. В работе К.Д. Мачавариани сообщается, что после того, как атака русскими была отбита «*на другой день восставшие покушались напасть на форпост у крепости. Комендант Могилянский и тут отразил нападение, но донес начальству о* ***всеобщем бунте, имевшем целью предать Абхазию в руки Хасан-бея****, причем просил о присылке ему помощи*»[18].

Комендантом Сухумской крепости, было дано указание обыскать все ближайшие села, найти и арестовать участников мятежа.

Князь Гасанбей, узнав о том, что в подвластных ему деревнях «*в коих поступали с нами (абхазами – М.Т.) неприятельский; отчего между русскими и абхазцами произошла драка и даже военная ошибка*»[19], были схвачены и арестованы многие жители, собрав небольшой отряд из верных ему цебельдинцев поспешил к коменданту крепости, чтобы освободить своих подвластных. Разговор с комендантом был короткий, князь требовал неприкосновенности к своим подвластным, и в дальнейшем просил не производить никаких действий без его уведомления, так как, лишь он, зная своих людей, мог справедливо выявить виновного и последний обещал освободить всех.

Отмечая накал враждебности в отношении российских войск в Абхазии, историк Л.И. Цвижба, пишет: «*враждебность отношений ряда абхазских феодалов к российским чи-*

[18] Мачавариани К.Д. Описательный путеводитель по городу Сухум и сухумскому округу. – Сухум. 2009. с. 245.
[19] АКАК. Т.- 7. с. 401-402.

новникам особенно проявилась в 1821 году, после смерти владетеля Абхазии Сефербея (Георгия) Шервашидзе»[20].

Для наведения порядка и усиления Сухумского гарнизона генерал А.А. Вельяминов, намеревался послать две роты и казаков но, узнав, что комендант крепости Могилянский сумел отразить нападение, отменил приказ.

Прошло еще несколько дней и восстало почти поголовно все население страны[21].

Между тем слухи о восставшем Гасанбее стали известны по всей Абхазии. Они внушали определенный страх русскому командованию, видя в нем коварного врага. Вот как о нем отзывался генерал А.П. Ермолов (еще при жизни князя Сефербея) в письме к министру иностранных дел К.В. Нессельроде от 16 июля 1820 года: «*....Хасан-бей ревностный мусульманин, человек зверского характера, злодейскими свойствами своими снискавши доверенность и сильную партию между хищническими народами которому и теперь дается помощь деньгами, Турецкое правительство воспользуется его расположением и* ***сделается владетельным князем – нашим коварнейшим врагом...***»[22].

Освободительное движение носило, как было отмечено выше, антироссийский характер, народ и многие абхазские князья желали иметь лидером – либо князя Асланбея, либо князя Гасанбея.

Создавшаяся ситуация застала врасплох царское военное командование на Кавказе, необходимы были срочные

[20] Цвижба Л.И. Этно-демографические процессы в Абхазии в XIX веке. – Сухум. 2001. с. 61.
[21] Кудрявцев К.Д. Сборник материалов по истории Абхазии. – Сухум. 2009. с. 167.
[22] АКАК. Т.- 6. с. 652-654.

меры, пока шла переписка с Петербургом о назначении нового правителя Абхазии.

Куратор по делам Абхазии генерал А.А. Вельяминов (заменявший временно выехавшего в Петербург А.П.Ермолова), по совету князя Левана Дадиани, объявил правительницей Абхазии вдову князя Сефербея – княгиню Тамару Дадиани[23].

И как справедливо замечено историком А.В. Фадеевым: «*Леван Дадиани хлопотал тут не даром – Тамара приходилась ему теткой*»[24].

Это также было связано, по мнению историка С.З. Лакоба: «*...очевидно, что царская администрация пыталась продолжить традицию управления Абхазией через посредство мегрельских владетелей, что было неприемлемо для абхазов*»[25].

Такое решение еще более усугубило народное волнение, так как вдова была нелюбима абхазам, и она в свою очередь не проявляла к ним своего расположения.

Объявленная временной правительницей вдова Сефербея Тамара, «*ничего не могла сделать ни для успокоения, ни для подавления страны и лишь просила помощи. Помощь могла прийти быстро только из Сухум-кале, но гарнизон её был слишком ничтожен для того, чтобы серьезно вмешаться в дела Абхазии.* ***В результате этого неопределенного положения Хасанбей стал владетелем почти всей Абхазии***»[26] – писал историк К. Кудрявцев.

[23] Лакоба С.З. Асланбей. – Сухум. 1999. с. 32.
[24] Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX века. – М., 1960. с.255.
[25] Лакоба С.З. Второй блин и опять комом… // Нужная. 30 ноября. 2010.
[26] Кудрявцев К.Д. Сборник материалов… с. 167.

Как известно, в связи с тем, что князь Сефербей при вступлении в подданство Российской империи получил подтверждение от русского императора о *наследственной передачи власти его сыновьям,* кавказское военное командование сделало ставку, на воспитывавшегося в Петербурге в Пажеском корпусе, старшего сына Сефербея – Дмитрия (Омарбея), отправленного еще в 1811 году в качестве залога верности России его отцом[27].

Князь Гасанбей для осуществления своей цели, устранить от власти вдову Сефербея княгиню Тамару, решает прибегнуть к помощи турок. Он был уверен, что турки ему не откажут, так как они были готовы поддержать любую борьбу против российского присутствия на Кавказе. Расчет его был правильным, турки поддержали его стремление.

Кавказское военное командование принимает срочные опережающие меры для устранения Гасанбея с политической арены[28].

Чтобы обезопасить княгиню Тамару от возможных нежелательных действий князя Гасанбея, было решено «*всеми средствами захватить Хасан-бея*»[29]. Генерал А.А. Вельяминов желая, «*оказать пособие*» княгине Тамаре и избавить её от серьезного соперника, отдает приказ арестовать и выслать его в Сибирь[30].

Так, комендантом Сухумской крепости Могилянским был получен приказ об аресте «*одного из самых опасных противников*» князя Хасанбея. Повинуясь предписанию генерала А.А.Вельяминова, и, имея личные счеты с князем,

[27] Дзидзария Г.А. Труды. Т.- 3. с. 36.
[28] Дзидзария Г.А. Труды. Т.- 3. с. 36.
[29] Кудрявцев К.Д. Сборник материалов… с. 167.
[30] Лакоба С.З. Асланбей. с. 32.

комендант пригласил Гасанбея в крепость под предлогом обсуждения абхазских дел. Ничего не подозревавший князь был неожиданно схвачен «*толпа солдат свалила его на пол, сорвала с него ружье и связала веревками*»[31]. Ожидавшее во дворе сопровождение, услышав непонятный шум, заподозрив неладное, ворвались с обнаженными шашками, но солдаты сумели их разоружить. При этом два цебельдинских князя были заколоты.

Напрасны были доводы князя Гасанбея, о его приверженности к России. Он пытался рассказать о своих заслугах перед нею. Он напоминал, что не раз помогал освобождению пленных российских солдат, захваченных горцами; и даже имел случай спасти от гибели батальон майора Огаркова следовавшего из Сухума в Редут-Кале и застигнутого метелью, сбившегося с пути и с обмороженными солдатами попавшего в окружение горцев. Именно он князь Гасанбей, спас их от неминуемой гибели, дав своих лошадей для перевозки больных, и вывел на дорогу. Но оказанные им услуги не принимались во внимание. Гасанбей был выслан в Тифлис в сопровождении поручика Бочкарева и по дальнейшему решению сослан в Сибирь, сначала в Томск, а затем в Иркутск, где находился до 1828 года[32].

Грубое вмешательство военной администрации во внутренние дела Абхазии вызвало возмущение среди местной феодальной знати.

Генерал П.Д. Горчаков предвидел, что арест князя Гасанбея вызовет всеобщее возмущение абхазов, просил гене-

[31] Потто В.А. Кавказская война. Т.2. … с. 383.
[32] Дъячков-Тарасов А.Н. Абхазия и Сухум в XIX столетии. В кн.: Абхазия и абхазы в российской периодике. Ч.- 2. – Сухум. 2008. с. 638.; Мачавариани К.Д. Описательный путеводитель… с. 245.; Дзидзария Г.А. Труды. Т.- 3. с. 36.

рала А.А. Вельяминова освободить князя Гасанбея. Но генерал А.А. Вельяминов нашел восстание абхазов меньшим бедствием, чем свобода его лидера[33].

Из отношения главнокомандующего на Кавказе А.П. Ермолова министру иностранных дел К.В. Нессельроде от 29 мая 1921 года читаем: «*Владетель Абхазии князь Георгий Шервашидзе, одержим будучи болезнью умер...Брат покойного* ***князь Гасан-бей (Хасанбей)****, никогда ему не повиновавшийся,* ***человек предприимчивый, свойств неукротимых, Порте приверженный и ею ласкаемый, имея сильную партию, мог бы теперь похитить обладание Абхазиею,*** *но давно замеченный недоброжелательным нам, схвачен генералом Вельяминовым...****нужно поскорее обратить князя Дмитрия в Абхазию,*** *ибо* ***нет сомнения, что без владетеля партия Гасан-бея (Хасанбея) произведет беспокойства****...»*[34]

Испуганная происшедшим княгиня Тамара, хорошо зная и понимая значение личности князя Гасанбея в народе, обратилась с письмом к генералу А.А.Вильяминову отпустить его «*опасаясь еще больших неприятностей в связи со взятием под стражу её деверя Хасанбея*»[35].

Анализ документов АКАК позволяет делать следующий вывод, что акция с арестом князя Гасанбея была хорошо спланированной интригой царской военной администрации, а сам князь Гасанбей вообще не принимал участия в нападении на солдат Сухумской крепости, о чем и свидетельствует письмо генерала А.А. Вельяминова к княгине Тамаре: «*...Не думайте, чтобы при защите Российских войск,*

[33] Мачавариани К.Д. Описательный путеводитель… с.246.
[34] АКАК. Т.- 6. с. 655.
[35] АКАК. Т.- 6. ч.-1. с. 655.

всегда готовых к подкреплению вашей власти, кто-либо осмелился в Абхазском владении утеснить, а еще менее опасайтесь напрасно предлагаемых вами неприятностей по случаю взятия князя Хасан-бея, напротив того, всей мере особенное благополучие о пользах ваших Российского правительства, ибо ***не полагаете чтобы Хасан-бей был арестован за беспорядок, происшедший по кончине вашего супруга и убийство нескольких солдат. Я знаю совершенно, что в сем ничтожном происшествии он нимало не участвовал и даже находился в отлучке.*** *Но неблагонамеренное поведение его ещё при жизни покойного супруга вашего, который неоднократно приносил жалобы Российскому начальству на его к нему непокорность, возмущения причиняемые в земле и* ***властолюбивые его виды были причиною задержания сего*** *беспокойного вашего родственника, коего честолюбие и опасные свойства для спокойствия Абхазского народа могли бы вовлечь оный в беспорядки и поколебать собственное ваше благосостояние... вы должны не ходатайствовать об освобождении Хасан-бея, но желать сколько можно удаления его вовсе из Абхазской земли... впрочем, об участи Хасан-бея не тревожьтесь нимало и верьте истинному моему слову, что он будет свыше его ожидания счастлив и не лишен милостей великодушнейшего из монархов....»*[36].

После того, как абхазы узнали об аресте князя Гасанбея, негодование народа ещё больше усилилось, они отказались признавать вдову Сефербея, княгиню Тамару, правительницей Абхазии. Сведения об аресте князя Гасанбея дошли и до турецкого султана и в первых числах июля генерал А.П. Ермолов получает от сераскира Турции Хаджи-Салах-

[36] АКАК. Т.- 6. ч.- 1. с. 655.

паши письмо, где тот требует от генерала освобождения князя Гасанбея – как турецкого поданного[37].

Г.А. Дзидзария по этому поводу писал: «*Этот факт говорит о том, что Турция делала ставку именно на Хасанбея*»[38] .

Военное командование на Кавказе оказалось в затруднительном положении, что видно из пространного письма генерала А.П. Ермолова к барону Г.А. Строгинову, русскому посланнику в Константинополе от 28 июня 1821 года, в котором дается обстоятельное объяснение причин, связанных с арестом Гасанбея, как главы предстоящего мятежа и участия в нем Порты Оттоманской: «*Беспокойства и возмущения, возникшие в Абхазии вслед за смертью владельца онай Сефер-Али-бея, последовавшие в начале настоящего года, обращали особенное внимание правительства. Строгое* ***рассмотрение источников мятежа открыло, что главнейшей причиною тому был Хасан-бей,*** *брат умершего владельца – почему* ***дабы утушить в самом начале угрожавшею бурю междоусобия, правительство нашлось в необходимости удалить Хасан-бея на местожительство в Сибирь,*** *предоставя впредь до Высочайшей воли управление Абхазиею жене умершего владельца княгине Тамаре.*

В первых числах настоящего месяца получил я к удивлению моему ***отношение от сераскира Порты Оттоманской Хаджи-Салах-паши Тропизондского, которым требовал освобождения и присылки к нему Хасан-бея как бы подданного Турции.*** *Какой сделал я на оное ответ, с*

[37] Дзидзария Г.А. Труды. Т.- 3. с. 37.
[38] Дзидзария Г.А. Труды. Т.- 3. с. 37.; Его же: Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми. 1982. с. 54.

онаго для сведения вашего превосходительства включая копию, обязываюсь просить вас довести до сведения Турецкого правительства о таковом незаконном со стороны сераскира ко мне требования, поставить оному на виду, что сия неуместность ***дает мне право заключать о тайных действиях сераскира к возжжению в Абхазии мятежа,*** *толике противных дружественным связям, между обеими высокими державами существующим, ибо имею я верное сведение, что братья Хасан-бея Батал-бей, Ростом-бей и Таир-бей, движимые духом мятежа и поджигаемые людьми неблагонамеренными, явно восстают противу теперешней правительницы Абхазии, и что последнего из них Таир-бея отправляют в Константинополь с просьбой об оказании им пособия как к нападению и истреблению крепости Сухумской, так и к возведению в звание владетеля Абхазии отцеубийцы Арслан-бея...»* [39].

Одновременно генерал А.П. Ермолов посылает ответное письмо Хаджи-Салах-паше от 8 июня 1821 года следующего содержания: «*Получив письмо коим ходатайствуйте об освобождении и отправлении к вам арестованного Хасанбея, сына умершего Абхазского владельца Келеш-бея, имею честь ответствовать, что если бы подобное требование получил я не от вас, а от кого-либо другого из чиновников знаменитейшей Порты Оттоманской, менее известного своими достоинствами и обширностью сведений в делах государственных.... Я сделал бы своеобразный тому ответ...относительные сведения...в отношении пограничных дел...под управлением нашим состоящим и соседним с ним Абхазским владением, о коем вам должно быть совершенно известно, что самовластный владелец онаго покойный Ке-*

[39] АКАК. Т.- 6. ч.- 1. с. 656.

*лешбей никогда над собою непризнававший законной власти Порты, а только иногда пользовавшийся её покровительством, с 1805 году, по доброй своей воле искал со всем своим владением войти в зависимость от России и потом сын его, недавно умерший Сефер-Али-бей, в 1810 году особым трактатом....все происходило во время переменявшихся несколько раз войны и мира между двумя высокими державами, при которых и до сего времени Абхазия осталась в непосредственной зависимости и в подданстве Российской Империи то и не могу я не удивляться, что распоряжения Российского правительства насчет Хасанбея, подданного России, изволите признавать противными мирным условиям и трактату, заключенному между обеими высокими державами...**Еще более удивляет** меня **присваиваемое** вами **блистательной Порте Оттоманской право на зависимость от неё Хасан-бея** потому, как вы в письме своем изволите изъясняться, что он мусульманин. Итак, по сему образу суждения, неужели и все многочисленные, внутри самой Российской Империи обитающие народы мусульманского вероисповедания....должны тоже почитаться подданными великого султана Турецкого потому, что они мусульмане.*

Почитаю нужным уведомить вас, благоприятель мой, что Хасан-бей за то, что еще при жизни брата своего Сефер-Али-бея, законного владельца Абхазии восставал против его власти, производил возмущения в народе, делал грабежи, разбои и всякие в земле беспорядки, по приказанию моему арестован как беспокойный подданный и нарушитель общего спокойствия и удален из Абхазии – остается мне покорнейше просить, чтобы вы...благоволили ***не вмешиваться в распоряжения Российского правительства о своих подданных, подобно тому, как Российское правительство...не позволяет себе входить в дела соседних Турецких пашалыков»***[40].

Таким образом, документы и их анализ прямо свидетельствуют об опережающем действии российской военной администрации с целью ареста князя Гасанбея, чтобы исключить его из активных влияний на восставший народ Абхазии, предварительно оклеветав его в нападении на солдат Сухумской крепости.

Для водворения спокойствия в Абхазии, царское военное командование принимает решение подключить генерала П.Д. Горчакова, командира 3-ей бригады 22-ой пехотной дивизии и войска Имеретии. Принятые меры для усмирения народного возмущения со стороны царской военной администрации оказались недостаточны. Волнения в народе не утихали, а все сильнее накалялись. Генерал П.Д. Горчаков был прав, когда предвидел большой мятеж. Он видит выход из создавшегося положения в отзыве ненавистного абхазам коменданта Сухумской крепости майора Могилянского и назначении нового – капитана Михина, но и эта мера не приносит успеха.

Братья арестованного Гасанбея - Баталбей, Ростомбей и Таирбей, а также некоторые князья Маршания и Инал-ипа были неумолимы. Они требовали освобождения и возврата князя Гасанбея. Их стараниями был осуществлен мятеж против нежелательной правительницы, которую подозревали в аресте князя Гасанбея, в перепалке был убит подпоручик Бочкарев, сопровождавший Гасанбея в качестве конвоя в Тифлис.

Для достижения своей цели мятежники прибегли к помощи Турции, в лице турецкого военачальника.

---

[40] АКАК. Т.- 6. ч.- 1. с. 656.

Однако, как видим, предпринятая акция со стороны чиновников военного командования по аресту князя Гасанбея имела и неожиданное неприятное для царской администрации последствие. Турецкое правительство реагировало на события в Абхазии быстрее, чем русские генералы. Оказалось, что фигура князя Гасанбея была в полной мере недооценена, так как в защиту князя Гасанбея поднялись и военные сановники Оттоманской Порты в лице сераскира Турции Хаджи-Салах-паши. Установив связи с восставшими лидерами в Абхазии, Турция обещала всяческую помощь, тем самым, придав дополнительный военный импульс к решительным действиям восставших в Абхазии. Для координации действий между лидерами народа, турецкие паши помогли высадиться в Абхазии князю Асланбею, имевшему большой авторитет в народе. Снабдив Асланбея оружием и деньгами, рассчитывая, что на этот раз он сумеет овладеть Сухумской крепостью и открыть её для турецкого десанта. Сам Асланбей не только не скрывал, но напротив, всячески подчеркивал, что он пользуется покровительством и поддержкой турецкого султана. Он уведомил народ, что имеет фирман от султана Махмуда II об утверждении его «*абхазским беем*»[41].

«*Не было главы восстания, но он скоро явился в лице неугомонного Арслан-бея*» - писал историк К.Кудрявцев[42].

Утром 11 сентября Асланбей во главе большого отряда с распущенными знаменами проехал под самыми стенами Сухумской крепости, гарнизон которой не осмелился сделать вылазку. Комендант Сухума подполковник Михин

[41] Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории… с. 54.
[42] Кудрявцев К.Д. Сборник материалов… с.168.

(сменивший Могилянского), настоятельно требовал помощи.

Как известно, многие участники мятежа в поддержку князя Гасанбея были схвачены и арестованы. Напуганная происходящим, княгиня Тамара пытаясь смягчить настроение народа, пишет письма чиновникам разного ранга об освобождении осужденных. В частности, из письма командующего военным отрядом в Соук-Су, полковника князя В.О. Бебутова генералу А.П. Ермолову от 14 марта 1823 года читаем: «*...Её светлость княгиня Тамара...просит даровать прошение тем Абхазцам, кои застрелили в прошлом 1821 году подпоручика Бочкарева*» далее в заключении выносится предложение о «*прощении брату Хасанбея – Ростомбею, при условии, что он выдаст убийцу Бочкарева...*» [43].

Наблюдая ускорение в решительных действиях восставших в Абхазии, Император России Александр I по просьбе генерала А.П. Ермолова наместника Кавказа, утвердил кандидатуру князя Дмитрия (Омарбея) Шервашидзе-Чачба, владетелем Абхазии. Правление Абхазией молодым, утерявшим абхазские национальные черты, князем Дмитрием длилось недолго, всего год, что было связано с его преждевременной смертью.

По представлению генерала А.П. Ермолова в 1823 году, царь Александр I возвел князя Михаила (Хамутбея) владетелем Абхазии, пожаловав чин майора с жалованием 1000 рублей серебром в год. Михаилу было 16 лет [44].

Для поддержки малоопытного в делах управления владетельного князя Михаила в грамотном проведении

[43] АКАК. Т.- 6. ч. -1. с. 662-663. Поручик Бочкарев сопровождал князя Гасанбея в качестве конвоя в Тифлис.
[44] АКАК. Т.- 6. ч.- 1. с. 644.

внутренней политики в отношении князей и оппозиции, удержания твердой установки на власть, княгиня Тамара и её сын владетельный князь Абхазии, обращаются с письмами к влиятельным русским чиновникам с просьбой об освобождении из ссылки в Томске абхазского князя Гасанбея, так как хорошо осознают, как этот акт положительно отзовется в народе, и в определенной степени смягчит напряжение и отношение к ним.

Разделяя позицию княгини Тамары и её сына владетельного князя Абхазии Михаила, министр иностранных дел граф К.В. Нессельроде в отношении генералу И.Ф. Паскевичу от 4 июня 1827 года уведомляет: «*Из дел канцелярии вашего высочества, усмотреть изволите, что по распоряжению начальника сослан в Сибирь на жительство Абхазский князь Хасан-бей, родной дядя нынешнего владетельного князя Абхазии.* ***Генерал-губернатор Восточной Сибири свидетельствуя о нравственности Хасанбея и о жизни,*** *которую ведет ныне,* ***ходатайствовал неоднократно об освобождении его из заточения.*** *В то же время доставил приобщаемое у сего объяснение помянутого князя, коим оправдывая себя, полагает, что удаление свое из отечества не иному чему приписать не может, как неосновательным сведениям дошедшим до главноуправляющего в Грузии чрез враждующих ему лиц.* ***Строгость правил Его Императорского Величества, чтобы никто без вины не претерпевал наказания, побуждает меня обратиться к вам с покорнейшею просьбою во 1-х узнать вернейшим образом, до какой степени Хасан-бей заслужил наказание коему подвергнут, и во 2-х, полезно ли, или вредно будет возвращение его в отечество,*** *буде* ***действительно удален по единой клевете****, и о том, что окажется, как равно о мнении*

вашем по последнему предмету, почтить меня уведомлением для доклада Государю императору» [45].

Считаясь с настоятельными просьбами об освобождении князя Гасанбея, генерал А.П. Ермолов в письме к управляющему Министерством внутренних дел, от 15 января 1827 года, прямо пишет: «***Убеждаясь многократными просьбами теперешнего владетеля Абхазии, майора князя Михаила Шарвашидзе, о возвращении на родину дяди его****, и ожидая от удовлетворения просьбы сей, того, что* ***быть может, Хасан-бей, излеченный от мечты обладания княжеством*** *шестилетним почти отлучением из онаго, соединит себя узами искренности с пользами дома владетельного... прекратить бунт, деятельно поддерживаемое одним из его родственников, Арслан-беем... всех более домогавшегося впоследствии владения княжеством.* ***Я прошу покорнейше вашего распоряжения о дозволении Хасан-бею возвратиться на родину*** *по выдаче ему с одним находящимся при нем прислужником подорожной и прогонов по положению и на путевые издержки»* [46].

Из указанного выше отношения следует, что князь Гасанбей, находясь в Сибири, не был лишен необходимых князю элементарных удобств и даже имел при себе прислужника.

Вследствие ходатайства графа И.Ф. Паскевича и князя Михаила, князю Гасанбею было разрешено возвратиться из Томска на родину, о чем генерал Бенкендорф и сообщал генерал-адъютанту Синягину отношением от 10 ноября 1827 года.

---

[45] АКАК. Т.- 7. с. 402.
[46] АКАК. Т.- 6. с. 655.

В 1828 году князь Гасанбей возвращается в Абхазию и начинает жить в своем Келасурском владении[47]. Находясь в Сибири, ему удалось хорошо выучить русский язык. Первое время он редко выезжал из своего имения. Нечастые поездки в Сухум ограничивались лишь посещением Сухумского базара, к крепости он не приближался, опасаясь повторений измены. Дюбуа де Монперэ в своей работе «Путешествие вокруг Кавказа...» так описывает пребывание князя Гасанбея вблизи Сухумской крепости: «*Князь приблизился к воротам сухумского базара для того, чтобы поговорить с комендантом крепости...**в крепость князь не вошел** – так поступает он всегда **опасаясь измены**...это был действительно кавказский разбойник: не только у него на поясе висели два больших пистолета, но, разговаривая, он еще играл третьим с таким дьявольским видом, как будто хотел сказать: «Не трогайте меня или берегитесь!»*»[48].

Но вскоре князь Гасанбей вовлекается в активную деятельность, уже по-другому воспринимает происходящие вокруг него события. Создает отряд «абхазской милиции» и с ней принимает участие в русско-турецкой войне (1828-1829гг.), получает звание майора и золотое оружие «за храбрость» при осаде Поти.

Особо были отмечены его заслуги графом И.Ф. Паскевичем, которому князь Гасанбей оказал неоценимые услуги. Как известно граф намеревался после заключения Адрианопольского соглашения (1829 г.) приступить к немедленному покорению кавказских народов, в число которых были включены и абхазы. Было решено начать с «Абхазской экс-

[47] Торнау Ф.Ф. // Русский вестник. 1864. №11.
[48] Фредерик Дюбуа де Монперэ Путешествие вокруг Кавказа. – Сух. Абгиз. 1937. с. 142.

педиции». Для этого в первую очередь необходимо было изучить Абхазию как в географическом, топографическом отношении, так и нравы, обычаи и религию народа. Но, осуществлению данного мероприятия мешали события в самой Абхазии, а именно, проводились агитационные работы со стороны турецко-настроенной части населения (под давлением турецких эмиссаров)[49] недовольных принятием Адрианопольского соглашения. Нужно было успокоить Абхазию, тем более что владетель её, князь Михаил находился в Грузии.

Известно, что юный владетельный князь, живущий в своем имении в Соук-Су (Лыхны), внезапно (1827 г.) был подвергнут нападению со стороны крестьян, и чудом остался жив, если бы не был спасен с помощью русской войной силы. Случившееся, ускорило его отъезд в Тифлис, где он в течение 3-х лет получил необходимое образование, стал читать и писать по-русски. Царская администрация возлагала на него большие надежды и не жалела средств, для его просвещения в нужном им направлении[50].

Одновременно, в этот период в Бзыбской Абхазии, во главе с Таербеем Чачба (один из сыновей владетеля Келешбея) формируется вооруженный отряд в количестве трех тысяч добровольцев, к которым примкнули и цебельдинцы – нацеленные против российского присутствия в Абхазии. Вся надежда, остановить возмущенных возлагалась на князя Гасанбея. Граф И.Ф. Паскевич писал: «*Князь Гасанбей, всегда нам преданный, и пользовавшийся значительным влиянием в своем сухумском уделе, старался всеми силами*

[49] Здесь имеется в виду приезд двухбунчужного паши Хаджи-Сулемана с султанским фирманом.
[50] Дзидзария Г.А. Труды. Т.- 3. с. 48.

подавить это волнение, но...абхазцы с негодованием отвергли его примирительные доводы»[51].

В 1830 году, окрепший и более подготовленный в политическом плане, князь Михаил возвращается в Абхазию в Соук-Су. И с этого времени он и его вернувшийся из ссылки дядя вместе решают судьбу Абхазии.

По сведению В.А. Пахомова по возвращении Гасанбея из Сибири, князь Михаил предложил дяде стать владетелем Абхазии, но князь Гасанбей был очень прозорливым и сразу понял, что предложение было «*притворное*» и потому торжественно при народе отказался. Гасанбей лишь потребовал от Михаила возврата своих имений, которыми он владел до ссылки «*заключавшиеся между реками Кодором и Шицкуара*». Владетель согласился, так как, многие свидетели были живы и могли подтвердить справедливость требуемых угодий[52].

Интересные сведения о князе Гасанбее мы находим из предписания графа И.Ф. Паскевича генералу Г.А. Эмануелю от 18 марта 1830 года, в котором дана оценка деятельности князя: «*Несмотря на гонение им перенесенное видно очень привержен к России. Услуги его доказали сие, впрочем, недавно, с тех пор, как он был введен снова в его владения, спокойствие в оных не было нарушено, не смотря на войну с Турцией. Рожденный от законной жены Келешбея, он по обычаям сих племен пользуется между оными большим уважением,*

[51] Паскевич И.Ф. Утверждение наше в Абхазии (инструкция ген.-л. Панкратьеву). // Кавказский сборник. Т.-13. – Тифлис. 1889. в кн.: Материалы по истории Абхазии (в 7-ми томах) Т.-4. с. 130.

[52] Пахомов А.В. Объяснительная записка управляющего имениями Г.Д. Чачба-Шервашидзе в Сухумскую сословно-поземельную комиссию. 1868 г. // В кн.: Материалы по истории Абхазии. Т.- 3. сост. Куправа А.Э., Салакая С.Ш., Авидзба А.Ф. – Сухум. 2012. с. 421.

нежели братья его. Одна из его сестер замужем за брата нынешнего сераскира, который в сие время является двухбунчужным пашою и наместником в Трепизонде. Так как Батум был прежде собственностью Келешбея, то жители тамошние не хотят повиноваться никому кроме, как одним потомкам сей фамилии. Так что, турецкий наместник в Батуме был принужден для сохранения своего места жениться на сестре Хасанбея. По случаю смерти сей жены, он принужденным находится ныне искать руки его дочери...».[53]

Находясь на службе российского правительства, князь Гасанбей старается по возможности мирно решать возникающие проблемы и проводит бескровную миротворческую политику с целью предотвратить ненужное кровопролитие и сохранить народ.

Сведения такого характера мы находим в рапорте генерала К.Ф. Гесса графу И.Ф. Паскевичу, в котором говорится о том, как князю Гасанбею удалось предотвратить столкновение Абхазской милиции с непокорным князем Алибеем: «*Получил рапорт исполняющего должность в Сухум-кале коменданта капитана Жилина, от 12 мая, что владетель Абхазии князь Михаил собрал до 1300 человек милиции в версте от крепости, с намерением следовать для наказания непокорного ему поручика князя Али-бея, который имеет сношения с Цебельдинцами, но* ***майор Хасан-бей, предвидя все неудобства сего предприятия*** *и даже сомневаясь в преданности собранной милиции,* ***принимает меры примирить владетеля*** *с Али-беем и распустить войско, которое уже начинает чувствовать недостаток в пище, ибо жители окрестных селений не в силах доставлять оной.*

[53] АКАК. Т.- 7. с. 886-887.

Капитан Жилин еще доносит, что многие князья не исключая и владетеля, имеют между собой личные неудовольствия. Цебельдинцы же и другие разбойники, пользуясь их несогласием, бродят партиями и делают шалости...»[54].

Владетельный князь Михаил, прибывший в Сухумкале из Лыхны, сообщил генералу К.Ф. Гессе, что бзыбцы, руководимые Федоруко Инал-ипа и Хитом Лакырба, поддерживаемые садзами, псхувцами, айбговцами и другими полны решимости перейти к активным действиям против него. Для переговоров с повстанцами по предложению графа И.Ф. Паскевича был направлен именно князь Гасанбей, имевший большое политическое влияние в стране. И как пишет Г.А. Дзидзария: «*Хасан-бей пользовался большой популярностью и русские использовали её для достижения своей цели*»[55].

Благодаря стараниям князя Гасанбея, почти все экспедиции, в которых он принимал участие, заканчивались без кровопролития. По признанию графа И.Ф. Паскевича князь Гасанбей был более достойным кандидатом на владетельский пост, чем князь Михаил[56].

Граф писал об Абхазии и в частности о князе Гасанбее следующее, что: «*Хотя сия часть земли более тридцати лет считалась под влиянием нашего правительства, но мы не имели средств удерживать оную в повиновении. Притом, владетель Абхазии не есть настоящий наследник сего достоинства, а признан и утвержден в сем звании единственно по ограниченным и неверным сведениям которыя здешнее начальство имело об упомянутом крае: По праву первородства сан владетеля Абхазии должен принадлежать кому либо из дядей князя Михаила, из коих один, Гасанбей, по несправедливому подозрению в неблагонамеренности противу России, был ошибочно, с распоряжения генералов Ермолова и Вельяминова, схвачен и отослан в Сибирь, откуда возвратясь по высочайшему повелению в 1828 году удерживает один в продолжении четырех лет спокойствие Абхазии, доказывая тем и приверженность свою к нам, и власть, которую он имеет над народом...»*[57].

[54] АКАК. Т.- 7. с. 403
[55] Дзидзария Г.А. Труды. Т.-3… с. 50.
[56] Там же с. 53.

Так, русское командование многим обязано было князю Гасанбею, благодаря которому русское присутствие в Абхазии приняло благожелательный для царизма оборот.

Но были и такие волнения в народе, где и князь Гасанбей был не в силах остановить. Так, например, в апреле 1830 года абхазцы, собравшись у селения Мерхеул, в 15 верстах от Сухума, числом в 5 тысяч человек, дали присягу оставаться непокорными русскому правительству и владетелю Абхазии. Произвели нападение на форштадт Сухумской крепости, далее ограбили Пицундский храм, напали на дом владетеля в Илори (в 4-х верстах от Очамчир) и разорили богатейший во всей Абхазии монастырь св. Георгия Илорского. «*Все усилия преданного русским князя Хасанбея отвлечь абхазцев от возмущения оказались тщетными*» [58].

Несмотря на то, что князь Михаил уже был возвращен в Абхазию, но власть его по-прежнему оставалась бессильной даже в собственном уделе, не говоря о влиянии на остальную часть Абхазии.

К.Д. Мачавариани писал: «*Ермолов хотел опять взяться за карательные меры в Абхазии и Цебельде для признания*

[57] Паскевич И.Ф. Утверждение наше в Абхазии… с. 124.
[58] Мачавариани К.Д. Описательный путеводитель… с. 251.

русской власти, но князь Горчаков, зная положение края, отговорил его от такого предприятия, тем более что дела на Кавказской линии и осложнения с Персией отвлекли внимание главного начальника Кавказского края, и Абхазия была оставлена на произвол судьбы. Владетельный князь Михаил удалился в Мингрелию, а в Абхазии фактически во власти русских оставалась Сухумская крепость. Асланбей продолжал волновать Абхазию. ***Абхазию успокоил*** *только возвращенный из Сибири по просьбе Михаила –* ***Хасанбей Шервашидзе»***[59].

Это же подтверждает И.Ф. Паскевич, отмечая, что именно князь Гасанбей «*один в продолжение четырех лет удерживает спокойствие в Абхазии*».[60]

Таким образом, следует отметить и немаловажный факт, что своими действиями князь Гасанбей оказывал неоценимую услугу и владетелю Абхазии князю Михаилу, чье кресло при определенных обстоятельствах могло сильно пошатнуться, так как, прибытие 2-х бунчужного паши Хаджи-Сулемана с султанским фирманом стало принимать угрожающий характер. И как отметил И.Ф. Паскевич: «*Вследствие одного еще нового обстоятельства оно разыгралось бы неизбежно кровавою драмою над Сухумом и, может быть, над самим князем Михаилом, если бы Гасанбей не постарался всеми мерами оттянуть этот кризис до прибытия наших войск...*»[61].

В начале 1830 года, для предварительного осмотра будущего места расположения штаб-квартиры российских войск в Абхазии, был секретно командирован поручик Генерального штаба барон И.К. Аш. Началась работа по собиранию подробнейших сведений о береговых и других дорогах, ведущих из Абхазии к Анапе, а также о соседствующих народах на пути следования из Абхазии через Кавказский хребет. Для осуществления этого плана к нему был приставлен майор Гасанбей Чачба[62].

[59] Мачавариани К.Д. Описательный путеводитель… с. 249.
[60] Паскевич И.Ф. Утверждение наше в Абхазии… с. 124.
[61] Паскевич И.Ф. Утверждение наше в Абхазии… с. 130.

Способность и волевые качества князя Гасанбея не ускользнули от внимания нового управляющего на Кавказе барона Г.В.Розена.

Барон Розен, вступая в новую должность командира отдельного Кавказского корпуса, в рапорте военному министру А.И.Чернышову писал: «*Забочась о благоустройстве разных частей обширного высочайше мне вверенного края, я с приездом моим в Тифлис* ***обратил особое внимание на Абхазию,*** *могущую по положению своему на берегу Черного моря и богатству естественных произведений достигнуть высшей степени благосостояния. Дабы иметь точное понятие о настоящем положении я вызвал* ***одного из значительнейших тамошних князей подполковника Гасанбея Чачба,*** *с ним вместе прибыл и владелец полковник Михаил Шервашидзе*»[63].

Как видим, главные вопросы судьбы и устройства Абхазии, барон пожелал обсуждать именно с владетелем Абхазии князем Михаилом и более опытным его дядей князем Гасанбеем (обратим внимание, князя Гасанбея он в своем рапорте ставит на первое место).

На встрече в Тифлисе обсуждались вопросы, связанные с охраной береговой линии, о необходимости кроме

[62] Дзидзария Г.А. Махаджирство… с. 61.
[63] Материалы по истории Абхазии (1762-1859) Т.- 2. сост. Куправа А.Э., Салакая С.Ш., Авидзба А.Ф. – Сухум 2011. с. 125-126.

морских крейсеров иметь достаточное количество особенных плоскодонных лодок для беспрестанного осмотра берегов; так как небольшие турецкие плоскодонные длинные лодки, называемые кочермами, легко проскальзывали по мелководью и незаметно приближались к берегу, не могли быть достигнуты крейсерами.

Вместе с тем, на встрече был поднят вопрос и другого, серьезного характера, свидетельствующего о том, что князь Михаил вместе с князем Гасанбеем вынашивали идею объединения всех удельных княжеств в единую централизованную власть. Князь Михаил и князь Гасанбей уверяли барона Г.В. Розена о том, что хотя абхазцам известно, что турки отказались от владычества на восточном берегу Черного моря, но им до сих пор неизвестны намерения и требования русского правительства; в связи с чем они просили направить в Абхазию «*доверенного и значительного чиновника*» и, собрав всех князей объяснить им непременную волю государя императора о признании князя Михаила главным владельцем.

Однако со временем отношения князя Гасанбея с владетельным князем Михаилом осложняются, этому способствовал междоусобный раздор. Приближенными князя Михаила был убит один из вассалов князя Гасанбея. Возмущенный случившимся князь Гасанбей с небольшим сопровождением отправляется в Кутаис, чтобы подать жалобу, но по пути он вынужден был возвратиться, так как его настигли люди владетеля в количестве 200 человек и пытались захватить его. Бесстрашный Гасанбей, несмотря на их многочисленность, сумел оказать сопротивление, убив при этом одного дворянина Халима Лакербая (доверенного кн. Михаила). Родственники убитого требовали возмездия. Владе-

тельный князь Михаил принял сторону убитого дворянина, вынуждая князя Гасанбея подчиниться. Князь Гасанбей человек «*самый тонкий и хитрый интриган и при этом человек с самой умной головой во всей Абхазии, открыто смеялся над притязаниями своего племянника*»[64], утверждая, что это его право жестокого отмщения за дерзкое покушение против его особы.

Такое поведение со стороны князя Гасанбея означало совершенное пренебрежение властью владетельного князя. Вся Абхазия следила за исходом разрешения создавшегося серьезного конфликта. Князь Гасанбей хорошо понимал, что, несмотря на правоту его, русское военное командование не окажет ему поддержки против владетельного князя, и он обращается за помощью к черкесам, угрожая их набегом своему племяннику. Он уверял князя Михаила, что горцы будут наступать с трех сторон, тремя отрядами, один из которых пойдет с моря на галерах, второй вдоль морского берега и, наконец, третий выступит с высоты гор[65]. Полученное известие сильно насторожило владетельного князя Михаила и он решает вступить в переговоры со своим дядей, которые не принесли успешный результат. Князь Гасанбей предлагал решить вопрос при посредничестве влиятельных дворян и феодалов, желал одним из них видеть известного дворянина Каца Маан, но князь Михаил отверг это предложение. Между тем князь Михаил в Соук-Су делает укрепление и на левом берегу реки Бзыбь, завал для воспрепятствования черкесов в Абхазию сухим путем.

---

[64] Фредерик Дюбуа де Монперэ … с. 119.

[65] Фредерик Дюбуа де Монперэ … с. 119; Материалы по истории Абхазии. Т.- 2. с. 142-144.

Лишь позднее при посредничестве русской военной администрации князь Гасанбей восстановил отношения со своим племянником. После примирения он, впервые, после возвращения из ссылки решился войти в Сухумскую крепость и посетить там могилу отца и поклониться.

И в дальнейшем посещая крепость, посреди которой стояла деревянная церковь, а за нею возвышалось дерево, которое было посажено отцом Гасанбея, князем Келешбеем для сына Баталбея – продолжало приносить прекрасные груши. Вправо от церкви была сохранена могила самого Келешбея, сложенная из простых камней. «*Надобно было читать его чувства в то время, когда князь Хасанбей смотрел на эту могилу и на это дерево*»[66].

Заслуживает внимания и то, как жил князь Гасанбей после ссылки. Довольно обширный дом его в Келасурах был выстроен целиком из дуба и ясеня. Часть нижнего помещения была совершенно открытой, лишь имелись небольшие ограждения; деревянная лестница вела на галерею, которая выступала вдоль всего фасада дома. «*Дом был полон слугами человек пятнадцать, вооруженные с головы до ног, напоминали двор восточных царей, когда приближенные стояли у дверей своего повелителя, чтобы по первому его знаку броситься исполнить его приказание. Их одежда почти ничем не отличалась от черкесской у большинства из них на голове был надет башлык «ахтырпа», длинные концы которого обвивали голову и завязывались сзади. Некоторые из них принадлежали вероятно, к более высокому сословию, так как у них на головах были тюрбаны из турецкой шали...также круглая татарская шапочка, отороченная черным мехом.*

[66] И.И. // Одесский Вестник. № 30-33. 1839 г.

Почти у всех были бурки – на плечах или за спиной в виде свертка»[67].

Дюбуа де Монперэ в указанной выше работе также отмечает и внешний вид князя Гасанбея: «*Князь встретил нас на галерее среди своих приближенных;* ***это был человек красивой наружности****, лет сорока или пятидесяти; его тюрбан был из турецкой голубой шали с разводами; его одежда состояла из шелкового полукафтана, заправленного в узкие брюки из коричневого сукна...Его черкеска желтовато-зеленого цвета; крышечки гильз для патронов – серебряные;* ***на поясе у него привешен, следуя обычаю, прекрасный пистолет, украшенный серебряной резьбой***» [68].

Князь Гасанбей, как настоящий абхаз, самым главным достоянием и гордостью украшавшим стены его комнат считал, имеющиеся у него великолепные оружия всевозможных видов, развешанных на деревянных колышках, главной из них была сабля - «***Золинген***».

Князь Гасанбей любил принимать гостей и угощал их привезенным из Сухума Донским шампанским, но сам его не пил.

Главное летнее жилище князя Гасанбея находилось в Цебельде, верхней долине реки Кодор, у подножья горы Марух. Туда на отдых он отправлял обычно семью.

С давних пор в Абхазии ходили слухи, что в окрестностях Сухума имеются залежи свинцовой и серебряной руды. Русское военное командование обратилось к князю Гасанбею как к владетелю этих территорий оказать услуги в проведении разведывательных работ двум русским инженерам. Поскольку пребывание в горах для русских было небезопас-

[67] Фредерик Дюбуа де Монперэ Путешествие… с. 139.
[68] Фредерик Дюбуа де Монперэ Путешествие… с. 139.

ным, князь Гасанбей предпринимает хитрую уловку, одевая русских геологов в абхазскую одежду и в сопровождении вооруженной охраны (20 человек) помогает им подняться вверх долиной Кодора по чрезвычайно трудной дороге. В результате были принесены несколько образцов свинцовой руды, которая оказалась недостаточно богатой, чтобы стоило её разрабатывать.

Отсутствие должной береговой охраны, слабое русское крейсерство сторожевых судов на побережье Абхазии способствовали свободной бесконтрольной активизации контрабандных товаров, которые выгружались в Абхазии. Контрабандисты, имея связи среди прибрежных жителей, используя систему световых сигналов, в темные ночи проскальзывали в укромные места побережья и вытаскивали суда на сушу, а там некоторые турецкие работорговцы имели свои дворы, дома и склады. Несмотря на официальный запрет продажи горцев, запрет этот в действительности нарушался. Отмечены были также случаи, когда шкипера турецких кочерм подкупали служителей карантино-таможенных правлений[69]. Наиболее известным местом в этом отношении был Очамчири. С одного только Очамчирского базара абхазские князья получали солидный доход. Непосредственно князю Гасанбею принадлежавшему Келасур в 30-х годах, а потом его сыну князю Дмитрию Чачба, давали доход в 1300 рублей серебром, тогда как владетель имел 500 рублей серебром[70].

А.Н. Дьчков-Тарасов писал в отношении Гасанбея, что он «*большой покровитель контрабанды, доставлявшейся турками, находившими у Гассана (Хасанбея) убежище, скла-*

[69] Дзидзария Г.А. Махаджирство … с. 264.
[70] Дзидзария Г.А. Труды. Т.- 3. с. 73.

ды и защиту»[71]. Как известно в 1832 году была учреждена таможенная застава, но вместе с тем, контрабанда дававшая абхазским князьям солидный доход, продолжала процветать.

К сожалению, необходимо отметить, что главными лицами, которые попустительствовали этой деятельности в Абхазии, были члены владетельного дома и сам владетель князь Михаил. Швейцарский француз ученый геолог, натуралист, археолог Дюбуа де Монперэ писал, что «*этот ужасный торг прекратился бы совершенно, если бы, Михаил-бей и Хасан-бей не были сами его первыми зачинщиками*»[72].

Другой француз - путешественник, коммерсант Поль Гибаль, находясь на келасурском базаре, принадлежавшем дяде владетельного князя Гасанбею Чачба, наблюдал жуткую картину как «*молодые люди разного возраста ходили с кандалами на ногах*»[73].

Еще в период правления Келешбея Шервашидзе-Чачба, - отмечал А.В. Пахомов «*последовало более определенное разграничение Абхазии на округа, во главе которых стояли представители владетельской фамилии, которые в тоже время считались удельными князьями. Так, Бзыпской Абхазией управлял Сафербей (Лыхны), Гумской – Хасанбей (Келасур), Баталбею и Ростомбею – Мерхеул, которое после смерти владельцев перешло к Хасанбею, Абжуйский (Атара, Кутол) – Бекирбею, Самурзаканью владели представители «особой линии» фамилии Шервашидзе (Бедия, Барбала), Анаклией не-*

[71] Дъячков-Тарасов А.Н. Абхазия и Сухум…. С. 638, 649.
[72] Фредерик Дюбуа де Монперэ Путешествие… с. 122.
[73] Дзидзария Г.А. Махаджирство… с. 259-260.

которое время – Махмудбей. В горной полосе – Цабал, Дал, Псху – первенствующими являлись князья Маршания»[74].

Гумский район официально именовался Сухумским или Абхазским округом, а также по утверждению А.В. Пахомова – «***Хасанбей идгил***» (земля Хасанбея). Гасанбеем была получена эта территория с условием, что обеспечит своих братьев Ростомбея, Баталбея и Таирбея, а также брал на попечение лишенного наследства Асланбея[75].

Среди населенных пунктов в начале XIX века выделялось село Келасур, расположенное недалеко от Сухума и считавшееся предместьем. Значение его особенно возросло после перенесения сюда резиденции княжны Рабии-ханум и её сына Гасанбея, тогда оно начинает преобразовываться чуть ли ни во «вторую столицу». Француз Поль Гибаль, посетивший Келасур в 1818 году, сообщает, что здесь были 100 или 200 торговцев, один портной, один оружейник, два мастера серебряных дел, два булочника, одна кофейня. Сюда заходили небольшие суда. Между Сухумом и Келасуром было установлено ежедневное сообщение, которое поддерживалось судами, лошадьми и пешком. Тот же Поль Гибаль подчеркивает, что келасурский рынок – «*самый крупный, самый богатый из всех в крае; здесь сконцентрирована вся торговля, и товары там бывают круглый год. Абхазцы приезжали туда купить продовольствие и привозили излишки продуктов. На рынке было более 50-ти лавок*»[76].

Владения князя Гасанбея и его сына Дмитрия были расположены на значительной части современного Сухумского и Гульрипшского районов. Эти владения и вся терри-

[74] Дзидзария Г.А. Труды. Т.- 1. с. 62, 224.
[75] Дзидзария Г.А. Труды. Т.- 1. с. 61.
[76] Дзидзария Г.А. Труды. Т.- 1. с. 169.

тория, которую келассурские Чачба считали своим наследственным уделом распространялась почти от р. Шицкуара (западнее р. Гумиста) и до р. Кодор от берега моря до Цебельдинского нагорья. На этой территории площадью не менее 25 тыс. десятин с 23 селами (Гумиста, Ачадара, Яштхуа, Гумма, Бырцха, Абжаква, Амкял, Келасур, Айбухца, Багбаран, Мерхеул, Герзаул, Кацигыларта, Парнаут, Гульрипш с поселком (Цкыбын) и мн.др. По данным на 1857 год, там проживало около пять тысяч крестьян. Почти во всех княжеских селах сидели управляющие. Известно, что сын Гасанбея князь Дмитрий часть доходов от своих крестьян отдавал управляющим вместо зарплаты. А при самом князе находился управляющий над всеми имениями[77].

Как известно, в Абхазии было три рода князей: князья – обыкновенные, князья владетельного рода Шервашидзе, и сам владетельный князь Абхазии.

Князья владетельного дома Шервашидзе в основном зависели от внимания владетеля Абхазии; пользовались только от народа особыми внешними знаками уважения, целование пола их платья и т.д.

Исключение составлял князь Гасанбей (и его потомство), владетель Абхазии не мог переселить его в какое либо другое место, так как он являлся наследственным потомком настоящих владетелей Абхазии, имел свою недвижимую и движимую собственность, своих князей, дворян и крестьян, и только в делах общих, касающихся вопросов Абхазии, находился в зависимости от владетеля [78].

[77] Фадеев А.В. Хозяйство и двор абхазского помещика накануне реформы. – Сух.1939. с. 106-131.
[78] Чернышев К. Еще об Абхазии. В кн.: Абхазия и абхазы в российской периодике. Ч.- 1. с. 171.

На холме, над бегущей к морю рекой Келасур, где находилась главное имение, возвышался большой белый княжеский дом с восточными балконами. В селе Мерхеул стоял другой двухэтажный дом, а село Парнаут было летним местопребыванием князя Гасанбея и его сына Дмитрия. В Парнауте был разведен сад и переселено туда несколько крестьянских семейств из фамилии Циба (подвластных его матери) и Шаламберия, для необходимой обслуги князю.

Многие считали, что в Абхазии была единственная мельница в Лыхнах, но уже к 20-30 годах их имелось уже несколько. Поль Гибаль в 1818 году только на реке Келасур обнаружил три мельницы. Кроме того, мельница была и на реке Басла, и все они принадлежали князю Гасанбею[79].

Выше нами было описано владение князя Гасанбея по сообщению Дюбуа де Монперэ, в этой связи не лишним будет отразить и описание, данное бароном Торнау: «*Рубленный деревянный дом, имеющий вид четвероугольной башни, стоял на высоких каменных столбах. Крытая галерея, охватывающая весь дом, на которую вела узкая и чрезвычайно крутая лестница, облегчала его оборону. Двор был окружен высоким палисадом с бойницами, в котором открывалась тесная калитка, способная пропустить одного человека или одну лошадь. Довольно было взглянуть на постройку дома, на окружающий палисад, на эту маленькую плотно затворенную калитку, чтобы понять всегдашнее состояние, в котором Гасан-бей проводил свою жизнь...Против его дома над самым морем находился длинный ряд деревянных лавок принадлежавших туркам перешедшим из Сухума в Келассури, когда крепость досталась русским...Гасан-бей, управлявший Сухумским округом на правах удельного князя, считался не*

[79] Дзидзария Г.А. Труды. Т.- 1. с. 147.

без причины самым закоренелым покровителем турок, проживавших в Абхазии...Турецкие купцы платили ему значительную пошлину за право торговли и сверх того доставляли ему все редкие товары, которых нельзя было найти в целой Абхазии...келасурские торговцы невозбранно продолжали продавать табак, рахат-лукум, и бумажные материи...»[80].

Князь Гасанбей еще в начале XIX века, перейдя на местожительство из Сухума в Келасур, перевел с собой не только часть крестьян подвластных ему, но и крепостных. Крепостным он позволил расчистить себе земельные участки в горах близ Келасур. Это было сделано для того, чтобы быть предупрежденным и защищенным от непрошенных набегов. С этой целью вокруг были установлены несколько возвышенных будок (вроде сторожевых башен), где ночью укрывалась «*верная и храбрая защита*» стража Гасанбея, которая в основном состояла из абхазцев и турок. А в самом селе Келасур князь расселил лишь небольшую часть крестьян, которые должны были доставлять в дом князя: кур, сыр, молоко, яйца и другие продукты. Князем было установлено, что крестьяне: во-первых, обязаны были давать в пользу князя кукурузу (три бичуквы), по два апхала (мера кувшина) вина; во-вторых, на праздник Пасхи приносить ягненка или козленка[81].

Интересным фактом является и то, что подвластным князя Гасанбея с его позволения и желания разрешено было заниматься торговлей на келасурском базаре и иметь там лавки. Так что часть келасурских торговцев состояла из подвластных крестьян кн. Гасанбея и его сына[82].

[80] Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера… с. 23-24.
[81] Дзидзария Г.А. Труды. Т.- 1. с. 288.
[82] Там же с. 223.

Во время пребывания кн. Гасанбея в Сибири, дворяне по фамилии Званба подчинили себе драндских крестьян. Вернувшись из Сибири, Гасанбей не лишил дворян Званба права пользоваться повинностями этих крестьян. Но вместе с тем, он обязал их сверх того давать в пользу его пастухов, пасших стада в селе Цкыбын, по три мешка кукурузы и по два кувшина вина. Кроме того, во время Пасхи каждый крестьянин подвластный дворянам Званба обязан был приносить Гасанбею, а потом его сыну князю Дмитрию – барашка, козленка или курицу в зависимости от состояния. Таким образом, в одном и том же имении были крестьяне подвластные и князю Гасанбею и дворянам Званба.

Князь Гасанбей мог быть щедрым и благодарным. Так, в награду за воспитание его младшего брата Ростомбея, семью Лолуа из села Ауарча, он освободил от всех повинностей.

Князь Гасанбей часто бывал в кругу черкесов и абазинцев, приезжавших к нему за решением своих тяжебных и судебных дел: он переходил от одной толпы к другой, давая наставления и советы, нередко проводя таким образом целый день. Абхазы, гостившие в его владениях, приходили прощаться с ним, при этом они становились на одно колено и целовали полу его платья.

Известно также, что князь Гасанбей имел в своем распоряжении несколько лодок и два больших судна, а также и несколько судов для мореплавания и рыболовства[83].

Являясь удельным князем, владея обширными территориями, кн. Гасанбей имел огромное количество лошадей, буйволов, коров, баранов, и никто не мог сеять ни кукурузы,

[83] Материалы по истории Абхазии. Т.- 1. … с. 143.

ни проса на низменных местах по берегу моря и крестьяне вынуждены были обрабатывать свои земли на горе.

К 30-м годам Сухум-кале представлял жалкую картину в санитарном отношении, канавы были засорены разного рода нечистотами, особенно в 1836 – 1838 годах в среднем из 659 человек гарнизона в год умирало 154. Воздух крепости был заражен. Необходимо было остановить этот губительный для здоровья процесс. По просьбе генерала Н.Н. Раевского высшее начальство разрешило проводить работы по очищению территории. По проекту майора Лободы необходимо было: 1). Соединить все родники и дать им постоянный сток в море; 2). Привести в надлежащий вид старые канавы, углубить их и т.д. Для осуществления этой серьезной задачи были привлечены старожилы с помощью которых, по их памяти, восстанавливались прежние рвы. Особое участие в осуществлении намеченных санитарных работ оказывал князь Гасанбей – Чачба[84].

После возвращения из Сибирской ссылки, князь Гасанбей не прекращал поисков «знаменитой» сабли, которая у него была отобрана при аресте в Сухумской крепости. Он негодовал и жаловался, что ему не вернули самое дорогое для него оружие из имевшейся у него большой коллекции – наследственную саблю, полученную от отца. Оценивал он эту саблю в 10000 рублей. Кутаисское губернаторство находилось в большом беспокойстве, узнав о притязаниях князя. Оцененная сумма была настолько велика, что равнялась доходам целой губернии.

Заслуги и политическое влияние князя Гасанбея по проведению российских интересов внутри Абхазии в среде оппозиционных князей не остались незамеченной в царской

[84] Дъячков-Тарасов А.Н. Абхазия и Сухум… с. 646.

военной администрации и особенно ярко демонстрировалось расположением к нему новым главнокомандующим на Кавказе бароном Г.В. Розеном.

Интересные сведения о князе Гасанбее и его знаменитой сабле описаны в отношении барона Розена к графу А.И. Чернышову от 11 февраля 1832 года: «*Абхазский князь подполковник Хасан-бей Шервашидзе, как известно вашему сиятельству был сослан на жительство в Иркутск; в 1828 году, по Высочайшему повелению оттуда возвращен и за оказанные им услуги при занятии Абхазии войсками нашими награжден настоящим чином.*

При арестовании его в крепости Сухум-кале в 1821 году вместе с прочими вещами, по показанию его брата, ***была отобрана*** *бывшим там комендантом майором Могилянским –* ***сабля, доставшаяся ему по наследству от предков, по доброте своей и древности своей весьма дорого ценимая и известная по всей Абхазии.*** *По возвращении из Сибири, Хасан-бей особенно просил о возвращении ему сего оружия, весьма им уважаемого. В делах Сухумского коменданта не оказалось никаких сведений об отобранных у Хасан-бея вещах, Могилянский, ныне служащий по особым поручениям при Херсонском гражданском губернаторе, отозвался, что Хасан-бей точно был им схвачен и отправлен в Тифлис, но вещей его, а в особенности сабли, в видении его, Могилянского, не поступало и что, не имея предписания от главноуправляющего в Грузии о сбережений вещей Хасан-бея, он не был в праве отбирать оныя от команды, ибо таковые достались оной войною; но что в том же году он купил саблю у подпоручика Бочкарева 150 Голландских червонцев, но чья была эта сабля и от кого Бочкареву досталась, ему неиз-*

вестно; доставить же оную обязывается по возвращении ему 150 червонцев.

Кроме показания Хасан-бея, самый отзыв Могилянского служит к обвинению его. Князь сей (Хасан-бей) был приглашен в крепость Сухум-кале и в оной захвачен. Посему вещи его не могли по праву войны принадлежать команде, но комендант обязан был сберечь оныя и донести начальству; ссылка на подпоручика Бочкарева навлекает тоже большое подозрение на Могилянского; ибо офицер сей умер в том же 1821 году 15 июня. Равномерно отзыв его о неизвестности кому принадлежала сабля, не может быть принят, ибо зная здешние обычаи можно удостовериться, что никакое другое оружие здесь не продается без больших или меньших рассказов об истории онаго.

По всему вышеизложенному, нахожу Могилянского виновным в краже вещей Хасан-бея, которые по званию коменданта он должен был сберечь. Показания Хасан-бея и собственный отзыв Могилянского навлекают на него сильное подозрение в присвоении себе сабли, почему обращаюсь к вашему сиятельству с просьбой об исходатайствовании высочайшего соизволения на отбирании оной у Могилянского и доставление сюда, для удостоверения, принадлежит ли оная Хасан-бею. Считаю излишним объяснять вашему сиятельству, что сие должно быть сделано под благовидным предлогом, дабы Могилянский как видно чиновник не весьма благонадежный, не мог представить какой-либо другой сабли. Ходатайствовать о сим принуждает меня особенно чрезвычайное желание Хасан-бея получить обратно столь драгоценное для него оружие. ***Возвращение онаго он примет как особенную себе милость; в глазах же абхазцев это бу-***

дет почтено блистательным примером правосудия Российского правительства.

P.S. Вследствие этого ходатайства последовало Высочайшее повеление о немедленном отыскании ***оружия****, которое и* ***было возвращено Хасан-бею*** *при письме барона Розена, от 12 июня 1832 года»* [85].

Даже военный историк ген.-л. Василий Потто, в своем пятитомном труде, отметил о поразительной настойчивости с какой хлопотал о пропаже сабли абхазский князь Гасанбей, просьба его дошла, наконец, до самого государя, и: «*Император Николай рыцарским чувством оценил всю важность утраты азиатского князя и приказал во что бы то не стало разыскать шашку…*»[86].

В 1835 году с секретной миссией в Абхазию был направлен барон Ф.Ф. Торнау. Основной его задачей было ознакомление с краем и его жителями с целью дальнейшего устройства военной дороги от Гагры к Геленджику. В первую очередь необходимо было установить знакомство с «нужными лицами». Ф. Торнау решил начать с «*умного и хитрого Гассан-бея (Хасанбея) тайного противника русских*». Г.А. Дзидзария писал: «*Для Торнау было очень важно приобрести расположение этого, в самом деле незаурядного человека, а тем более заслужить его доверие...Хасан-бея лучше иметь «приятелем» чем врагом: вражда с ним была весьма опасна если учесть широкие связи князя с горцами*» [87]. Князь Гасанбей нужен был Ф. Торнау для решения цебельдинского дела, с его помощью он надеялся проникнуть в Цебельду,

[85] АКАК. Т.- 8. с. 444.
[86] Потто В.А. Кавказская война. Т.2… с.389.
[87] Дзидзария Г.А. Ф.Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX века. М., 1976. с. 27.

увидеть хотя бы её часть. Ф. Торнау узнает, что сестра князя Гасанбея замужем за уважаемым цебельдинским князем и пытается с её помощью решить свой вопрос. Но это решение было отвергнуто бароном Г.В. Розеном. Для того, чтобы вызвать к себе расположение князя Гасанбея Торнау специально переодевается в национальную одежду – черкеску. Сам Ф. Торнау в своих воспоминаниях о первом дне знакомства с князем Гасанбеем в его келасурском владении писал, что князь встретил его «*вооруженный с двумя длинными пистолетами, один из них держал наготове*» [88].

Известно, что князь Гасанбей был женат на дочери Нарчу Инал-ипа, который пострадал от притеснений князя Михаила[89].

Вместе с тем среди архивных документов, касающихся личной жизни князя Гасанбея было найдено письмо вдовы Манучара Шервашидзе, княжны Кетеван к генералу Н.Ф. Ртищеву от 19 февраля 1815 года, из которого видно, что после смерти владетеля Самурзакани, вдова его княгиня Кетеван решила выйти замуж за князя Гасанбея. Но генерал Н.Ф. Ртищев не поддержал её желание, мотивируя тем, что «*Хасан-бей ищет руки вашей единственно для присвоения Самурзаканского владения …*»[90].

Деятельность князя Гасанбея была высоко оценена царским генералитетом. Начинал он карьеру со звания поручика. В работе Г.А. Дзидзария читаем: «*Келасурский феодал Хасан-бей Чачба, известный деятель экспедиции Паскевича в 1830 году, получил чин-****поручика***»[91]. В рапорте комен-

[88] Дзидзария Г.А. Ф.Ф. Торнау и его кавказские материалы… с. 28.
[89] Дзидзария Г.А. Труды. Т.- 3… с. 67.
[90] АКАК. Т.- 5. с. 507.
[91] Дзидзария Г.А. Труды. Т.- 3. .. с. 68.

данта Сухумской крепости капитана Жилина от 12 мая 1830 года, князь в звании – ***майора***[92]. В отношении барона Г.В. Розена к графу А.И. Чернышову от 11 февраля 1832 года, он в звании – ***подполковника***[93]. А уже в предписании барона Г.В. Розена к владетельному князю Михаилу от 2 мая 1834 года, в звании – ***полковника*** [94]. Если бы не преждевременная смерть, несомненно, он дослужился бы и до более высокого воинского чина.

Князя Гасанбея любили в народе и ему были посвящены песни, о чем свидетельствует анонимный автор в своей путевой заметке, восхищаясь пением абхазского народного певца Хакуца, который писал: «*...забавляя меня своими песнями, иногда под скрипку, сделанную из куска дерева, и на которой вместо струн были натянуты конские волосы...песни его состояли из описания старинных подвигов...их князей, в похвале храбрости, оружию, коням, описанию набегов, любовных приключениях, о ревности мужей, о насмешках над обманутым в любви.* ***При воспевании подвигов кн. Хасанбея, Хакуц приходил в восторг, пел гораздо громче и выразительнее*** *и, наконец заключал свою песню обыкновенным припевом «айрища» повторенным несколько раз*»[95].

Установившиеся отношения между владетелем Абхазии князем Михаилом и его дядей князем Гасанбеем казались лишь наружно удовлетворительными. Совершенно очевидно, что князь Гасанбей не мог верить в искренность своего племянника и видел в нем тайного противника, так и князь Михаил не мог видеть, как возвышался авторитет

[92] АКАК. Т.- 7. с. 403.
[93] АКАК. Т.- 8. с. 444.
[94] АКАК. Т.- 8. с. 449.
[95] Согум-кале (из путевых записок о Кавказе). В кн.: Абхазия и абхазы в российской периодике. Ч.- 1. с. 38.

князя Гасанбея в народе, который ставил его во многих случаях выше самого владетеля. Главное, что не мог простить Гасанбею Михаил это, его расположение царскому начальству и влияния на Цебельду.

Неизвестны подробности последних лет жизни князя Гасанбея. Есть основание предполагать, что к его судьбе приложил руку владетельный князь Михаил, так как нам известны факты того, как владетельный князь устранял всех, кто стоял на его пути и пользовался большим влиянием в народе, чем он [96]. По сообщению А.В. Пахомова, князь Гасанбей: «*После одного из своих визитов к владетелю, к которому он ездил советоваться об общем участии, которое они должны были принять в большой экспедиции предпринимавшейся русскими войсками в Цебельду, Гасанбей остановившись на обратном пути в селение Ачадара, был отравлен эшерским крестьянином Хакуцем Шамба. После этого он успел впрочем, съездить в Цебельду, помочь русским и затем, вернувшись домой в Келасури, умер*»[97].

В этой связи интересным представляется сообщение барона Г.В. Розена из его предписания владетелю Абхазии князю Михаилу от 2 мая 1834 года, где он ругает князя за то, что он не принимает никаких мер по наказанию провинившихся феодалов и, в частности, указывает на Хасана Маан (Маргания): «*...Человека вредного для общества который должен быть вами наказан за многие преступления, и в особенности за то, что* ***он посягает на жизнь вашего родного дяди полковника князя Хасан-бея*** *Шервашидзе...****Явное покровительство ваше сему...может навлечь...вам новые справедливые неудовольствия со стороны вашего***

[96] Дзидзария Г.А. Труды. Т.- 3. с. 67.
[97] Пахомов А.В. Объяснительная записка… с. 422.

дяди *и возобновить те беспокойства в Абхазии, которые ... могли быть вредны и даже всему вашему дому...»*[98].

Из приведенного сообщения видно, что владетельный князь Михаил в определенной степени потворствовал устранению своего дяди, и с его молчаливого согласия совершались покушения на жизнь князя Гасанбея. Из сообщения следует также, что авторитет князя Гасанбея был по-прежнему велик, и он был в силах «*возобновить беспокойства в Абхазии».*

К.А. Бороздин писал в отношении упомянутого выше Хасана Маан (Маргания): «*Он был ревностным исполнителем владетельских «велений самого мрачного свойства». Голова каждого из преданных его (владетеля) абхазцев знала, что она сидит крепко на плечах до тех пор, пока не вздумается владетелю, почему бы то ни было, снести её оттуда. И проделывалось все это Хасаном Маан с чрезвычайным искусством, быстро и без всякого шума»* [99].

Неприязненные отношения князя Михаила в дальнейшем были и к сыну князя Гасанбея Дмитрию, который был женат на одной из дочерей мегрельского князя Левана Дадиани.

В монографии академика А. Э. Куправа, вышедшей в 2010 году, «Люди: время и жизнь» в разделе, посвященном сыну князя Гасанбея Дмитрию отмечено: «*Дмитрий Хасанбеевич Шервашидзе-Чачба... находился в неприязненных, впоследствии в ярых враждебных отношениях с владетелем Абхазии М. Шервашидзе... Возвратившись в Абхазию 1857 году,*

[98] АКАК. Т.- 8. с. 449.
[99] Бороздин К.А. Завказские воспоминания. Мингрелия и Сванетия (1854-1861) СПБ., с. 221.; Дзидзария Г.А. Труды. Т.- 1. с. 226.

он застал разоренное имение, землями его владели Михаил Шервашидзе и другие абхазские феодалы...»[100].

Свидетельство подтверждающее, что к смерти князя Дмитрия был причастен владетель Абхазии мы находим у А.Н. Дъячкова-Тарасова, который, защищая князя Михаила, пишет: «*Михаила притесняли. Михаил защищался и Дмитрий (Абхазский округ), самый злой и хитрый его противник, был отравлен»*. В другом месте А.Н. Дъячков-Тарасов дает следующее объяснение: «*Михаил Шервашидзе, несмотря на весь свой склад восточного деспота, хорошо видел и оценивал положение вещей, и если не помогали домашние средства в устранении соперников, вел интригу в Кутаисе и Тбилиси и нежелательный субъект, в качестве противника русской власти высылался внутрь России. Например, случай в 1853 году с кн. Дм. Шервашидзе, сыном Хасанбея, двоюродным братом владетеля жившем в Келасуре. Это был человек преданный русским пользовавшийся уважением среди абхазов, но во многом не подчинявшийся Михаилу; пользуясь популярностью среди народа, за интересы которого стоял, он был ненавистен владетелю. Донести на него как на человека неблагонадежного было невозможно; кинжал и пуля были малодейственным, Дмитрий зорко охранялся своими приближенными, пришлось прибегнуть к яду»* [101].

Указанный факт отражен и в работе Г.А. Дзидзария [102] и в работе А.В. Фадеева[103].

Князь Дмитрий в 1858 году был отравлен, ему не было и сорока лет.

[100] Куправа А.Э. Люди: время и жизнь. – Сухум. 2010. с. 15-16.
[101] Дъячков-Тарасов А.Н. Абхазия и Сухум… с. 665.
[102] Дзидзария Г.А. Труды. Т.- 3. с. 101.
[103] Фадеев А.В. Очерки по истории Абхазии. – Сух. 1934. с. 106.

Боевые заслуги и жизнь полковника русской армии князя Дмитрия Гасанбеевича Чачба, а также и внука князя Гасанбея Георгия Дмитриевича Чачба, достигшего ошеломляющих успехов и признания, достаточно хорошо описаны в известных работах Г.А. Дзидзария[104] и в названной монографии академика А.Э. Куправа[105].

В данной работе освещены те моменты истории Абхазии первой половины XIX столетия, когда, то, или иное событие было связано с именем и непосредственным участием князя Гасанбея Чачба.

Деятельность его условно можно разделись на два периода.

Первый - до высылки в Сибирь: князь Гасанбей народный герой, ярый противник российского присутствия в Абхазии, один из лидеров освободительного движения, являясь серьезным препятствием для осуществления экспансионистских целей царского военного командования, был схвачен и обманным путем выслан в Сибирь.

Второй - после ссылки: возвратившись на родину, он меняет свое мировоззрение, очевидно, многое ему пришлось переосмыслить. Считаясь со сложившимися реальными обстоятельствами, князь обращается на службу к русскому правительству, используя свое положение, делая все возможное для блага своего народа, принимал умные решения в первую очередь направленные на сохранение народа, ограждая его от возможного кровопролития. Это удавалось ему потому, что авторитет его в народе по-прежнему был высок, к нему прислушивались, ему верили.

[104] Дзидзария Г.А. Махаджирство… с. 156-157.
[105] Куправа А.Э. Люди: время и жизнь… с.15-16.

Умер князь Гасанбей в 1838 году, ему было приблизительно 50 лет.

Обобщая жизненный путь князя Гасанбея и поступки, которые он совершал, можно выделить те черты характера, которые отражают его национальный дух, в соответствии с традициями и обычаями, которые питали его в свободных горских общинах и формировали как яркую личность, как борца за справедливость своего народа.

На могиле князя Гасанбея есть надгробная эпитафия, высеченная на турецком языке, в которой говорится:

«Он еще при жизни достиг близости спасения
День и ночь оказывал он хороший прием
Народу, общине; какое множество рабов (слуг)
Протягивало руку к его благодеянию
Да прочтем фатиху за спасение души
Гасан-бея, сына Келеш-бея
Хиджры = 1838 год»[106] [84].

Среди материалов АКАК было найдено и письмо на имя губернатора Восточной Сибири, написанное самим князем Гасанбеем от 30 апреля 1826 года, которое считаем необходимым представить полностью, как интереснейший документ, который в свою очередь проливает свет на действительные события, имевшие место.

[106] Бгажба Х.С. Из истории письменности в Абхазии. – Тб., 1967. с. 28.

Письмо Гасанбея генерал-губернатору Восточной Сибири.

«Великодушное покровительство ваше, оказанное мне в 4-х летнее пребывание ваше здесь в Иркутске...и доказанное нынешним ходатайством милости прибавки на содержание мое, дает мне надежду, что вы не откажетесь прочитать историю несчастного исторгнутого из недр родины и семейства, и если нижеописанное найдете уважительным, то употребите впредь высшим начальникам ваше ходатайство испросить несчастному человеку помилование и оказанию мне справедливости.

Отец мой известный Келеш-бей владетель Абхазии был принят под покровительство Российской державы, он лишился жизни от рук злодейских, хотя по крови ему близких. Я и братья мои, от одной матери рожденные остались Российской державе верными, когда другой наш брат...предался Оттоманской Порте, оною был покровительствован владеть Абхазиею, которую мы впоследствии времени получили посредством Российского покровительства обратно в новое владение и старший брат мой Сефер-бей владел спокойно, был в звании Российского генерала. Для защиты от набегов горных народов оставлен был в Сухум-кале Российский гарнизон. В это время я неоднократно вспомошествовал лично освобождению захваченных горскими жителями русских нижних чинов и доставлению виновных к суду, имел случай спасти Российского майора Огаркова, следовавшего из Сухум-кале в Редут-кале с командою из нескольких сот человек состоявшего, коего захватили метель и глубокие снега и остановили его; чем разбойники горские воспользовавшись, похищая у него людей,

он же с командою был близок погибнуть, но мною из сего бездейственного положения освобожден, и на моих лошадях доставлен к назначенному месту. А захваченные во время сего бедствия горными народами его команды были мной освобождены. О том известно главному Российскому начальству, и я удостоился получить знаки его благоволения. Но неопытность в Европейском обхождении, незнание порядка дел, молодость и гордость своим происхождением были причиною, что я не сохранил и даже не обращал старание мое собирать свидетельства на подвиги, которые я тогда сделал из приверженности к России покровительствующей род наш, никогда не мыслил, чтобы я при таковых поступках мог подвергнуться нынешнему несчастью, причины которого мне и доныне непостижимы. С Турецким правительством я не имел никаких политических сношений, хотя был в молодых годах во владении Турецком, в государственных городах, но по своим торговым делам, по родственным связям и из любопытства; ибо Турецкое правительство, мстя нашему роду за отца нашего, старалось меня захватить и, вероятно, лишить жизни. Возвратившийся оттуда я жил в своем семействе счастливо и спокойно до несчастного часа, в котором смерть лишила нас отца и покровителя, похитив Сефер-бея, владетеля Абхазского, старшего нашего брата.

Во время сего для нас печального события случилось следующее происшествие, которое как я полагать должен, положило основание теперешнему моему бедствию. Один Русский солдат из Сухум-кальского гарнизона был поранен разбойником совсем не нашего подданства, а родственником врага нашего Аслан-бея. Происшествие это возродило между Русскими и одною Абхазскою деревнею ссору, о кото-

рой начальнику крепости было донесено, но в таком виде, что ранил солдата не разбойник как в самом то деле было, но Абхазец, наш подданный, почему послали из крепости людей, чтобы отыскать его в ближайших деревнях, в коих поступали с нами неприятельский; отчего между Русскими и Абхазцами произошла драка, и даже военная ошибка без моего, или семейства моего какого – ни будь участия.

Я услышал о происшествии сем, был намерен открыть причину онаго и с тем вместе уничтожить ссору между Абхазцами и Русскими, явился в то же время к коменданту крепости, прося его изъяснить мне причину сих неприятельских действий и, узнать от него оную, просил его, чтоб он на будущее время не принимал преждевременно неприятельских действий, о всех подобных сему происшествиях уведомлял предварительно меня, чем можно открыть тотчас виновника и учинить ему по вине наказание и отвратить ссоры, имеющие вредные и весьма пагубные последствия; а что причинен ими Абхазцам напрасный вред, то о том, объяснил я ему, что буду писать главнокомандующему в Грузии генералу Ермолову. Комендант, извиняясь в поступке своем, просил меня не писать прежде времени к генералу, а обождать его о сем донесении к нему же Ермолову; с чем расстался я с ним и отправился спокойно домой, был уверен в правоте дела своего, но тотчас по приезд сделался болен жестокою горячкою, которою был одержим полтора месяца. Случай сей, остановил мое донесение генералу Ермолову, в какой же силе о сем происшествии донос коменданта ни тогда, ни после того мне не объявлено, а только известно, когда по выздоровлении от болезни комендант крепости, призвал меня к себе объявил, что он имеет от генерала Ермолова повеление об удалении меня из Абхазии, но не изъяснил

за какие вины я к сему изгнанию подвергнут. Повинуясь повелению сему, я надеялся, что могу увидеться с генералом Ермоловым, узнать лично от него о причине моего удаления, или в Петербурге от высшего Российского правительства, но вместо того генералу Ермолову лично я представлен не был, а отослан прямо из Грузии в Сибирь, не знав за собой никакой вины, по которой бы должен быть удален из владений. Я полагаю причиною тому не что иное как несправедливое донесение коменданта крепости, который сделав поступок самый непростительный против союзников и опасаясь справедливости за то взыскания, может быть успел во время моей болезни оклеветать меня перед высшим начальством.

Если я ошибаюсь, что причиною моей ссылки в Сибирь было донесение коменданта, то полагать должен другую, т.е. от хитрости старшего моего брата, бежавшего в Турцию, который какими ни будь прописками не нашел ли случай, удаляя меня из Абхазии, овладеть оною, лишив меня законного права наследства, ибо я непримиримый враг брату своему, сделавшему в семействе нашем столь важное злодеяние, не могу оставить и желания отомстить ему; или давняя вражда дома нашего с домом Менгрельским кн. Дадиани. Но как я ни в каком случае не могу утвердительно причину объяснить, то прошу изъяснить мне ту высокую милость, объявить мне мою вину, дозволить принести оправдание, и, если и окажусь виновным, предать меня всей строгости Российских законов; но если только одно подозрение вверило меня в несчастье, то оказать справедливость, дозволить мне прибыть с объяснением в станицу и соединить меня с семейством, т.е. с женою и сыном, которые без меня остаются в величайшей нужде. Но когда по рассмотрении моего дела я

не найден буду виновным и Российскому Правительству угодно будет восстановить мое счастье и возвратить моему отечеству, то я клянусь пред Всевышним, что возвращением моим Абхазцы нашего владения сделаются самыми верными Российской державе, и я все требования оной удовлетворю в полной мере, и верности моего слова представлю аманатов и сына моего, если он еще жив.

Изложив сим мои чувства, могу честью уверить, что все есть сущая справедливость и что я не осмелился вам представить ничего ложного, что считаю при тех милостях, которые получаю, великим стыдом. Предаю судьбу свою совершенно в руки ваши»[107].

[107] АКАК. Т.- 7. с. 401-402.

Список использованной литературы

1. **Абин М.** Махаджиры. Возвращение домой. – Сух. 2009.

2. **Акты собранные Кавказской археографической комиссиею** (в дальнейшем **АКАК**) под ред.ст. сов. Ад. Берже. Тифлис, Типография Главного Управления Наместника Кавказа Т.-4. 1870; Т.- 6. ч.-1.1874; Т.- 7. 1878.

3. **Амаршан В.Д.** Царь величавых гор. – Сухум. 2007.

4. **Ачугба Т.А.** Этническая история абхазов XIX-XX вв. – Сухум . 2010.

5. **Ачугба Т.А.** История Абхазии в датах. – Сух. 2011.

6. **Бгажба Х.С.** Из истории письменности в Абхазии. – Тб., 1967.

7. **Бороздин К.А.** Закавказские воспоминания. Мингрелия и Сванетия. Санкт-Петербург. 1861.

8. **Гаужба Р.Х** Сафарбей. // Республика Абхазия. 1999, 10-13 июня.

9. **Гунба М.М., Шамба Г.К.** История Абхазии с древнейших времен до XX века. – Сух. 2001.

10. **Дзидзария Г.А.** Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сух. 1982.

11. **Дзидзария Г.А.** Ф.Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX века. – М., 1976.

12. **Дзидзария Г.А.** Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. – Сухуми 1979.

13. **Дзидзария Г.А.** Труды. Т.-1. – Сух. 1988.

14. **Дзидзария Г.А.** Труды. Т.- 3. – Сух. 2006.

15. **Дъячков-Тарасов А.Н.** Абхазия и Сухум в XIX столетии.// Абхазия и абхазы в российской периодике. Сост. Р.Х. Агуажба, Ачугба Т.А. Ч.-2. – Сух. 2008.

16. **Дюбуа Де Монперэ** Путешествие вокруг Кавказа. – Сух. 1937.

17. **Инал-ипа Ш.Д.** Антропонимия абхазов. – Майкоп. 2012.

18. **Кудрявцев К.Д.** Сборник материалов по истории Абхазии. – Сух. 2009.

19. **Куакуаскир И.** История Абхазии. – Сух. 2010.

20. **Куправа А.Э.** Люди: время и жизнь. – Сух. 2010.

21. **Лакоба С.З.** Асланбей. – Сух. 1999.

22. **Лакоба С.З.** История Абхазии. – Сух. 1991.

23. **Лакоба С.З. Бгажба О.Х.** История Абхазии. – Сух. 2007.

24. **Лакоба С.З.** Очерки политической истории Абхазии. – Сух. 1990.

25. **Лакоба С.З.** Второй блин и опять комом...// Нужная. 30 ноября, 2010.

26. **Материалы по истории Абхазии**. Т-1. сост. Г.А. Дзидзария. – Сух. 2008.

27. **Материалы по истории Абхазии**. Т.-2. сост. А.Э. Куправа, С.Ш. Салакая, А.Ф. Авидзба. – Сух. 2011.

28. **Материалы по истории Абхазии.** Т.-3. сост. А.Э. Куправа, С.Ш. Салакая, А.Ф. Авидзба. – Сух. 2012.

29. **Мачавариани К.Д.** Описательный путеводитель по городу Сухум и сухумскому округу. – Сух. 2009.

30. **Очерки истории Абхазии.** Ч.-1. – Сух. 1960.

31. **Пахомов А.В.** Объяснительная записка управляющего имениями Г.Д. Чачба-Шервашидзе в сухумскую сословно-поземельную комиссию. В кн. Материалы по истории Абхазии. Т.-3. – Сух. 2012.

32. **Паскевич И.Ф.**Утверждение наше в Абхазии. (инструкция ген.-л. Панкратьеву). // Кавказский сборник. Т.-

13. Тифлис. (1889г.). В кн.: Материалы по истории Абхазии (7-ми томах) Т.-4.

33. **Потто В.А.** Кавказская война. (в 5-ти томах) Т.-2. – Тифлис 1903.

34. **Салакая С.Ш.** Проблемы истории Абхазии XIX – начала XX веков в абхазской советской науке. Автореф. Диссерт. На соиск. уч. ст. канд. ист. наук. – Сухум 2009.

35. **Согум-кале** (из путевых записок о Кавказе). В кн. Абхазия и абхазы в российской периодике. Ч.-1. сост. Агуажба Р.Х., Ачугба Т.А. – Сух. 2005.

36. **Торнау Ф.Ф.** Воспоминания кавказского офицера. // Русский Вестник. Т.-5. М., 1864.

37. **Фадеев А.В.** Россия и Кавказ в первой трети XIX века. – М., 1960.

38. **Фадеев А.В.** Краткий очерк истории Абхазии (древнейших времен до крестьянской реформы 1870 года). Ч.-1. – Сух. 1934.

39. **Фадеев А.В.** К вопросу о феодализме в Абхазии. – Сух. 1931.

40. **Фадеев А.В.** Хозяйство и двор абхазского помещика накануне реформы. – Сух. 1939.

41. **Цвижба Л.И.** Этно-демографические процессы в Абхазии в XIX веке. – Сухум. 2001.

42. **Чернышев К.** Еще об Абхазии. В кн. Абхазия и абхазы в российской периодике. Ч.-1. сост. Агуажба Р.Х., Ачугба Т.А. – Сух. 2005.

43. **Эсадзе С.С.** К 40-летию уничтожения автономии Абхазии. // Абхазия и абхазы в российской периодике. Ч.- 1. сост. Агуажба Р.Х., Ачугба Т.А. – Сух. 2005.

Михаил Гумба

ГАСАНБЕЙ

(о политическом противостоянии за владение Абхазией между потомками Келешбея)

Редактор, корректор **Клычева Л.З.**

Формат 60х84/16. Тираж 200 экз.

Отпечатано в типографии «Полиграфия»
г. Сухум, ул. Сахарова 59

68